

Министерство высшего и среднего специального образования
Республики Узбекистан
Самаркандский государственный институт иностранных языков

Профессор ТАТЬЯНА БУШУЙ

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Тексты лекций

САМАРКАНД – 2006

Татьяна Бушуй. Из истории становления общелингвистической теории.
– Тексты лекций. – Самарканд: СамГИИЯ, 2006. С.

Настоящие тексты лекций посвящаются ведущим общелингвистическим теориям, внесших фундаментальный вклад в мировую лингвистическую науку (Вильгельм фон Гумбольдт, Якоб Гримм, Фердинанд де Соссюр, Шарль Балли, Гюстав Гийом, Роман Jakobson, Адам Супрун и др.

Особенно подробно рассматривается такая проблематика как: язык и история человечества, первопричина языка, родство языков, синхрония и диахрония, статика и динамика, речь / язык, семиологическая перспектива, система / структура, функции, философско-культурологические основы языкознания.

Предназначаются для филологов-бакалавров

Ответственный редактор: доктор филологических наук, профессор
Н.К. Турниязов

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент
А.Р. Исмаилов
кандидат филологических наук, доцент
Б.Я. Примов

Содержание

Введение (Современное теоретическое языкознание Узбекистана: опыт и тенденции развития)

Сложившееся к настоящему времени в Узбекистане теоретическое языкознание характеризуется все более определенно таким образом, что основные лингвистические дисциплины получают дальнейшую углубленную разработку именно в направлении системно - уровневой интерпретации своих базовых единиц. Например, типологическая лингвистика в исследованиях последнего периода прежде всего "выделяет фонетические, грамматические и лексические особенности языка-источника" (Дж.Буранов 1983, с.26) последующим выходом к «ономасиологической взаимосвязи разно уровневых единиц (С.Р.Рахимов 1981, с.55).

В этом направлении разделяется и общезыковедческая концептуальная мысль. Так, Дж.Буранов (1981, с.22-25) строит свою концепцию сравнительной типологии из лингвистической типологии, последовательно опираясь на понятия системы и уровневой стратификация языка. Это концепция исходит из постулата, что «лингвистическая типология включает в себя все виды сравнения систем языков» (с. 22). Выводимые затем принципы её классификации (широкой и узкой) также предусматривают исходное системно - уровневые характеристики объекта контрастивной интерпретации. Ср.: в широком подходе – это, например, бинарная классификация внутрилингвистическая типология текста – внутрилингвистическая типология системы и др., в узком –это например, классификация лингвистической типологии по отношению к уровням иерархии языка фонетико - фонологическая, морфологическая, синтаксическая и лексическая типология» . (с.22). В соответственном плане квалифицируются и разделы лингвистической типологии (сравнительной типологии и др.). Здесь учитываются «системная близость языковых систем», «глубинно-поверхностное тождество и нетождество корреспондирующих средств», «межуровневый подход к сравнению» (с.23) и т.п. Системно-уровневые показатели являются релевантными и для предлагаемых Дж.Бурановым толкований предмета и задач сравнительной типологии: «Предметом сравнительной типологии служат системы сравниваемых языков. К задачам сравнительной типологии относится выявление межъязыковых сходств и различий вокруг выбранных типологических категории и установление принципов корреспондирования межуровневых и межъязыковых корреспондентов" (с.23-24).

При этом специфичность и индивидуальность проявления системно - уровневых характеристик отдельных из сравниваемых языков обнаруживаются в наиболее оптимальное степени, позволяя исследователю определить в конкретном для формирования его общелингвистического статуса. Скажем, это убедительно показывает Дж.Буранов (1971, с.71-73) на фактах взаимосвязи и взаимозамены лексических и грамматических морфем

таким образом: "для систем языков с развитой морфологией характерно наличие синонимии морфем лексического и монологического уровней. Следовательно, мы имеем синонимию морфологических форм и синтаксических конструкций. Если в том или ином языке морфология хорошо развита, то в нем существование синонимии корневых и аффиксальных морфем можно считать обязательной... Если в языке нет морфологических форм выражения той или иной категории, в нем синтаксическая конструкция останется единственной..." (с.71).

Как видно, исследования в ракурсе любой области языка непременно предполагают комплексность анализа соответствующего материала. В итоге, к примеру, информативность лексикологии становится более исчерпывающей, когда в ней раскрываются разноплановость и соотношение с такими сопредельными сферами, как семантика, лексемантика (словообразование), фразеология, этимология, лексикография и т.д. Аналогичный подход характерен и для других областей современного общего и прикладного языкознания. Например, в Узбекистане "изучается соотношение сравнительной типологии и теории перевода, стилистики, лексикографии и методики" (Дж.Буранов 1983, с. 4). Подобная оценка даже предварительно учтенных итогов столь крупной области лингвистического знания нельзя считать сколько – нибудь приувеличенной, ибо в современном языкознании уже допускаются такие характеристики даже отдельно взятых языковых категорий. Таковой, к примеру, избирается категория отрицания - "явление столь многогранное, что служит предметом исследования смежных наук, и прежде всего философии, логики, психолингвистики, лингвистики и т.д." (С.Рахимов 1978, с.7).

Другими словами в общем и частное языкознании "наблюдается определенный концептуальный сдвиг, связанный с интеграцией знаний, с вторжением в лингвистическую проблематику таких активно развивающихся дисциплин как лингвистика текста, психолингвистика, когнитология, лингво - прагматика, теория речевых актов и др." (Д.У.Ашурова 1993, с.5).

Всё большее внимание в современном теоретическом языкознании Узбекистана, уделяется также коммуникативно-прагматическому статусу различных лингвистических единиц, их речепорождающим возможности, в результате чего, кстати, в последнее время выделилась коммуникативная лингвистика - активно разрабатываемая область новейшего языкознания. Об этом, например, убедительно свидетельствуют исследования Д.У.Ашуровой - по словообразованию английского языка в аспектах стилистики и прагматики (1993 и др.), Ш.А.Файзуллаевой - по стилистико - функциональному статусу синтаксиса простого предложения в разноструктурных языках (1990 и др.), С.Рахимова - по комплексной проблеме речевой коммуникации разносистемных языков в широком ракурсе дейксиса 1978:1981:и др. ,

Ш. С. Сафарова-по проблемам прагматической природы речевых актов в аспектах лексического и синтаксического уровней языка (например, это системно-семантический статус синтаксических единиц и характер функционирования лексических единиц в синтаксических конструкциях),

сопоставительно-типологического описания единиц речевой системы, контенсивной типологии, дискурсионной деятельности коммуникатов, сравнения фрагментов речевого поведения представителей разных лингвоструктур и законов текстопорождающих действий (1983; 1989; 1990 и др.)

Системно-уровневый подход релевантен и для статуса словаря как текста особой разновидности. Именно таким образом характеризуется, например, фразеографическая концепция М.И. Умарходжаева (1977; 1983 и др.). Она разрабатывает, в частности, такие аспекты, как структура фразника (1983, с.93-108), системная характеристика базового фразеологического фонда языка в словарном ракурсе (1977; 1983, с.16-21, 99-130), построение словарно ориентируемой типологии фразеологизмов с учетом их коммуникативной и текстопорождающей активности (1983, с.70-71), фразеологическая подсистема в словаре (1983; с.16-21), структуризация специально-межфразеологического словаря (1977; с.74-87) и др.

В свете вышесказанного исключительную ценность приобретает и обобщение опыта создания контрастивных лексических словарей (КЛС) - в первую очередь двуязычных. Созданию к настоящему времени многие новые КЛС являются первыми, лучшими образцами полных словарей в различных национальных лексикографических школах, отразив и развив весь их предшествующий словарный опыт, историю и традиции лингвистической и лексикографической мысли. Велики у КЛС и лингводидактические возможности. КЛС - неперемный составляющие элемент в системе единого учебного комплекса.

Методика применения словарей (например, КЛС, фразеологических, толковых, этимологических, синонимических и др.) дифференцируется в зависимости от адресата (обучающий - обучающийся). Для обучающихся словарь - одно из главных средств оптимального усвоения языкового материала, закрепления навыков самостоятельной работы: для преподавателя же словарь - инструмент управления процессом обучения.

КЛС во многом способствует обеспечению основных методических решений в преподавании языка: при чтении и понимании иноязычных текстов, постановке навыков устной и письменной речи и др.

При опоре на КЛС целесообразно доходить из общих положений теории и практики лингвистика и дидактика. В лингвистике - это уровневая организация языкового материала, его типологическая структуризация и системность в различных параметрах - семантическом, грамматическом, фонетическом, фразеологическом, стилистическом, деривационном, коммуникативно-прагматическом. В методике - это минимизация материала, его отбор и дозированный ввод в изучение в направленности от хорошо известного к менее знакомому, от одного языка к другому. Например, при отработке приёмов речевой активизации фразеологии целесообразно систематизировать - фразеологические единицы в виде гнёзд, в которых раскрываются фразеобразовательные возможности слов различной семантико-стилистической и частеречной характеристики. Ср. в

Каракалпакско - английском словаре Дж.Б.Буранова и Я.К.Курбаназарова (1970, с.205) образец микрофразеогнезда, построенном на синонимии: “мийе... биреудин мийесине синириу to hammer into smb. ‘s head”; “мийесинен шыкпастай етиу to get (to take) into one’s head”. Соответственно иллюстрации в КЛС семантика-синтаксических особенностей слов (посредством разноструктурных словосочетаний и предложений) избираются в качестве наиболее типичных речевых образцов, вводимых в отработку от минимальных структур к компонентно более развернутым. Это позволяет строить по КЛС оптимальный набор тренировочных упражнений, направленных на активное рече - и текстопорождение.

ЛИТЕРАТУРА

1. БУРАНОВ Д. Взаимосвязь и взаимозамена лексических и грамматических морфем. // Научная конференция. Вопросы описания лексико - синтаксической системы языка. Тезисы докладов. Ч. 1. - Москва, 1971. - с.71-73.
2. БУРАНОВ Дж. Предмет и методы сравнительной типологии // Республиканская научная конференция. Вопросы сравнительно типологии. Тезисы докладов. - Ташкент, 1981. - с.22-25.
3. БУРАНОВ Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. - Москва: Высшая школа, 1983. – 267 с.
4. БУРАНОВ Дж. КУРБАНАЗАРОВ П.К. Каракалпакша-англичанша созлик. - Нокис: "Каракалпакстан" баспасы, Москва, 1970. – 496 б.
5. Ашурова Д.У. Стилистические и прагматические аспекты словообразования английского языка: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Ташкент: УзГУМЯ, 1993. - 43 с.
6. РАХИМОВ С. Вопросы структурно-типологической характеристики предложения.- Ташкент: Фан, 1978. – 119 с.
7. РАХИМОВ С. Р. Типологический анализ категории дейксиса в ономасиологическом аспекте // Республиканская научная конференция, вопросы сравнительной типологии. - Ташкент, 1981. – с. 35.
8. САФАРОВ Ш.С. Принципы системно-семантического анализа синтаксических единиц. – Ташкент: ТГПИ им. Низами, 1983. – 97 с.
9. САФАРОВ Ш. О дискурсивно – прагматической природе директивных речевых актов // Текст: структура и анализ. – Москва, 1989, - с. 142-146.
10. О. САФАРОВ Ш. Этнокультурные компоненты дискурсионной деятельности // Язык, дискурс и личность. - Тверь, 1990. – с. 105-111.
11. Умарходжаева М.И. Очерки по современной фразеографии. – Ташкент: Фан, 1977. – 103 с.
12. Умарходжаева М.И. Основы фразеографии. -Ташкент : Фан, 1983. – 133 с.

13. Файзуллаева Ш.А. Функционирование простого двусоставного предложения в научном стиле разноструктурных языков. –Ташкент: Фан, 1990. -150 с.

Глава 1

Принципы знаковой интерпретации языка (в ракурсе лингвофилософии)

Язык есть система знаков, специфика же языкового знака выделяется следующими характеристиками:

1. Материальность знака. Эта характеристика противопоставляется точке зрения знакового ментализма, считающий знак психической сущностью. Под материальностью знака следует понимать то, что В.М.Солнцев (1972, с.8) характеризует как «кусочек материи», подчёркивая именно «вещность» знака. Некоторые авторы, говоря о материальности знака, отмечают независимость его существования от сознания, что нельзя признать точным, ибо сказанное справедливо относительно материала знака, но не самого знака. Последний, конечно же, объективен в том, что он существует вне сознания. Однако относительно знака нельзя утверждать, что он существует независимо от сознания, так как независимо от сознания существует лишь материал знака. Не любой «кусочек материи» есть знак, а только тот, который в силу своих природных свойств может быть переконструирован в знак, т.е. использован для выполнения назывной функции.

2. Функции обозначения определённого мысленного содержания (значения), существующее вне знака (Здесь особо подчеркнём, что «вне» опять же не означает «независимо»). Как показывает анализ сущности знака и значения, проведённый Гегелем (1913) содержание сознания только тогда проявляется как значение, когда оно обретает знаковую форму существования. Причём оказывается, что знак является способом существования содержания сознания. Отсюда вытекает характер связи между знаком и значением.

3. Взаимообусловленность знака и значения. Такая характеристика обычно упоминается под видом «единства знака и значения», например, у Ельмслёва (1960)-как две стороны листа бумаги. И Соссюр (1990) говорит о неразрывности этого единства. Однако эти концепции оставляют в тени причину этого единства и диалектику взаимосвязи сторон этого единства. Очевидно, что это единство следует толковать в плане диалектически противоречивого единства содержания и формы в их взаимообусловленности и взаимопереходах. Выражением взаимообусловленности знака и значения обычно выступают высказывания типа «Нет знака без значения и значения без знака», которые следует - отличать от высказываний типа «Нет знака вне

значения и значения вне знака», игнорирующие характеристику по относительности.

4. Относительная самостоятельность знака и значения. Данная характеристика предполагает, что единство знака и значения настолько абсолютно, что не позволяет их отрывать друг от друга, но настолько относительно, что позволяет рассматривать их как относительно самостоятельные феномены. Автономность знака проявляется в том, что оказывается возможным проводить операции ими во временном отвлечении от семантики знаковых выражений. Автономность же значения можно толковать так: в отличие от знака, значение следует рассматривать как отражательную категорию, непосредственно соотносимую с предметным миром. Другим проявлением относительной самостоятельности знака и значения и относительности их единства считается случайность.

5. Случайность связи знака и значения. Данная характеристика выглядит внешне как отрицание принципа взаимообусловленности знака и значения. Однако здесь явно кажущееся противоречие. Действительно, если принцип взаимообусловленности есть характеристика сущностного бытия знака и значения и определяет абсолютность их единства, то случайность характеризует связь знака и значения в их конкретном проявлении.

Принцип случайности связи знака и значения, таким образом, следует понимать как отсутствие прямой детерминации в процессе наречения, как отсутствие причинной связи между данным знаком и данным значением, обозначаемым им содержанием сознания.

В большей мере сказанное относится к знакам языка (звуковым комплексам) в их связи с языковым значением (содержанием сознания).

Возникновение и первоначальное развитие языка при всей необходимости неверно было бы объяснять сознательной деятельностью людей, как плод человеческого творчества. Представляется, что закрепление знака со значением нельзя объяснить ни детерминацией значением знаков в их конкретном проявлении, ни сознательной (творческой) деятельностью людей. Соотношение взаимообусловленности знака и значения, с одной стороны, и случайности этой связи в конкретном (отдельном) проявлении подлежит толкованию как конкретизация взаимоотношения философских категорий необходимости и случайности. Необходимость связи знака и значения проявляется в том, что если некое содержание сознания проявляет себя как значение, то проявляет его обязательно в знаковой форме. Соответственно, если некое материальное образование квалифицируется как знак, то оно есть знак, имеющий значение. Случайность связи знака и значения проявляется в соотношении конкретного (данного) знака и конкретного (данного) значения, где какие-либо поиски прямой детерминации неправомерны.

Знаковая деятельность есть специфически человеческая деятельность, возникающая на определённом уровне развития отражательной способности живой материи, каковым является сознание человека, его разум. В лингвофилософском исследовании бесперспективным будет односторонний

подход, при котором специфику языкового знака пытаются вывести на основе какого-либо частного признака (семантического, синтаксического, прагматического и др.).

Дальнейшая детализация видов знака и знаковых систем оказывается невозможной без учёта той роли, которую играют те или иные знаковые системы в фиксировании содержания сознания. Если языковые знаки связаны самым непосредственным образом с содержанием сознания, являясь способом его существования, то связь других знаковых систем с содержанием сознания опосредована языковыми знаками.

Это характерно не только для знаков обычного языка в его отличии от языка науки, как иногда представляют, но является общей и отличительной характеристикой языкового знака, что отличает его от других видов знака, связь которых с сознанием осуществляется только через языковой знак.

Для выявления природы языка важнейшей проблемой считается проблема значения. Оно есть некое содержание сознания - результата отражения объективного мира. Причём не любое содержание отражения реализуется как значение, а только то, которое улавливает общее, инвариантное, т.е. может быть названо. Отсюда соответственно выводятся формальные категории языка: «Та или иная единица, имеющая только в высшей степени общее значение, представленное отдельными, объединяемыми и обобщаемыми в нем (т.е. относительно более частными) видовыми значениями, и выражающая это свое общее значение в систематическом противопоставлении различных форм, и может быть с наибольшим основанием определена как формальная категория языка. Таким образом, например, к числу формальных категорий языка относятся такие единицы, как падеж, число, лицо, наклонение, время в русском, английском, латинском, греческом, немецком и ряде других языков» (А.И.Смирницкий, 1957, с. 29).

Содержание сознания лишь в том случае выступает как значение, когда опосредуется материальным знаком. Материальный же предмет, в свою очередь, только тогда характеризуется знаком, когда он используется для опосредования инвариантного содержания сознания (значения). Сознание не может осуществляться в форме знания. Иначе говоря, в сознании не может быть ничего, кроме знания, определяемого как смысл. Эта попытка основана на философской традиции, восходящей к Платону, который говорил о «представлении со смыслом», т.е. тем самым признаётся то, что знание, являясь итогом познавательного акта, оформляет чувственность, улавливает в ней существенное, инвариантное, устойчивое, смысл по - Платону.

Важнейшей характеристикой знания является инвариантность содержания (устойчиво сохраняющегося при преобразованиях информации). Она позволяет предвидеть поведение объекта в той или иной изменяющейся ситуации. Знание - как смысл - есть такое содержание сознания, в котором удерживается существенное и инвариантное, основная практическая ценность которого заключается в способности к предвидению. Отсюда можно считать следующее: поскольку знание есть единственный способ

существования сознания, то знание и составляет языковое содержание; заключённый же в знании смысл составляет языковое значение, т.е. значение языковых знаков.

В конечном счете смысл и значение совпадают по содержанию как продукт сознания. Однако если смысл - это гносеологическая характеристика подобного содержания, то значение характеризует его как языковое содержание относительно языкового знака. Содержание сознания определяет себя как смысл по отношению к отображаемой действительности. Будучи опосредованным отражением мира, содержание сознания для актуализации требует наличия материальных знаков, через которые оно реализует себя как значение. Таким образом, в своем единстве идеальное содержание сознания (значение) и материальная форма его существования (знак) и составляют язык.

Слово - как основная ячейка языка - не сводимо ни к знаку, ни к значению, а может считаться как единство знака и значения, как связь определённого знака с определённым значением (содержанием сознания).

Вышеотмеченная связь возникает исторически стихийно (т.е. непреднамеренно) и затем постепенно закрепляется в практике языковой (речевой) деятельности. При этом слово не может рассматриваться как нечто обозначающее содержание сознания, т.е. не есть знак, но знак со значением, есть соответствующий результат обозначения, единство определённого знака с определённым значением. И здесь, по А.И.Смирницкому (1957, с.14), «всякое речевое произведение содержит в себе единицы языка, выражающие в их данном конкретном смысле совокупном применении более или менее сложную или цепь мыслей (лишь в особых редких случаях только эмоцию), которая как целое не входит в состав языка, но принадлежит к известной сфере человеческой деятельности, обслуживаемой языком.

Единицей языка того или другого порядка, типа или характера может быть признана любая единица, выделяемая в речи, при том условии, что, с одной стороны, в ней сохраняются существенные общие признаки языка и вместе с тем, с другой стороны, не появляются какие-либо новые признаки, вносящие новое качество. Чтобы удовлетворять этим требованиям, такая единица должна, во-первых, обладать не только внешней (звуковой) стороной, но и внешне выраженным значением (смысловым или эмоциональным содержанием) и, во-вторых, выступать не как произведение, создаваемое в процессе речи, а как нечто уже существующее и лишь воспроизводимое в речи. При этом необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что языковая единица должна обладать сразу обоими признаками, указанными выше».

Языковая деятельность человека не должна рассматриваться как субъективистски-произвольная знаковая деятельность. Она ограничена рамками допустимого в языке, что и делает возможным сам процесс коммуникации.

А.И.Смирницкий (1957, с. 9-10) даёт этому такое лингвофилософское объяснение: «Человеческая речь в целом является потоком неисчислимых и

неограниченно разнообразных актов речи, как следующих друг за другом во времени, так и параллельных, происходящих в одно и то же время (ведь в каждый данный момент говорит множество людей). Этот поток речи всё время нарастает, течет дальше, так как постоянно производятся всё новые и новые акты речи.

Речь данного общества, речь исторически образовавшейся совокупности общающихся между собой людей в целом практически необозрима, и её общая масса непрерывно растёт, поскольку люди продолжают говорить, думать, писать. Поэтому в действительности мы всегда имеем дело лишь с таким материалом исследования, который представляет собой только некоторую более или менее случайно, естественно или искусственно ограниченную часть всей данной речи. Тем менее, если эта часть достаточно велика и разнообразна по составу, по ней же можно судить вообще о речи данного общества на протяжении соответствующего времени его исторического развития. Это оказывается возможным потому, что каждый отдельный акт речи имеет в своём составе большее или меньшее число единиц, являющихся лишь воспроизведениями единиц, входящих в состав других актов речи... Поэтому, если мы изучаем лишь $1/p$ часть всей массы данной речи, то мы всё же можем иметь уверенность в том, что в остальной $p-1/p$ массе речи очень многое будет тем же самым, что известно по изученной $1/p$ части».

Неограниченная функциональность языка, его способность фиксировать и передавать любое содержание сознания (истинное и ложное) и описывать любую ситуацию (существующую, возможную и даже невозможную в действительности, например, фантастическую) не может толковаться как отсутствие закономерности и логичности в языке как явлении.

Определяющее значение для объяснения сущности языка и языкового функционирования имеет познавательная деятельность субъекта. В этом ракурсе регулируется и семантическая сторона языка. При этом значения знаков не могут квалифицироваться как свободное творчество человека, а являются итогом познавательной (отражательной) деятельности субъекта.

Прагматическая языковая деятельность, заключаемая в употреблении знаков, т.е. в их сочетании с определённым из ряда возможных значений, а также в сочетании знака со знаком, является настолько свободной, насколько эта деятельность следует необходимости (семантическим и синтаксическим закономерностям).

Итак, двойственная природа языка проявляется на всех этапах его функционирования. Особенно наглядно эта двойственная природа языка (материальность знака и идеальность значения) проявляется в ходе выполнения языком коммуникативной функции.

В процессе коммуникации между людьми положен лишь знак, которому в сознании соответствует определённое содержание (значение).

Акт коммуникации может состояться только при наличии у обоих участников акта этого содержания и знания допустимости (возможности)

подобного сочетания, что особенно важно, если значение может фиксироваться рядом знаковых выражений (в ракурсе знаковой синонимии).

Актуализация языком своих основных функций становится возможным, потому что язык носит двойственный («чувственный - сверхчувственный») характер. Кроме того, язык не есть лишь значение (содержание) или лишь знак (форма), а есть единство значения (содержания) и знака (формы).

Язык включает в себя содержание сознания как свое собственное содержание (семантика), фиксированное в форме языкового знака. Как раз в этом плане язык представляется способом вхождения, закрепления, накопления, хранения и передачи содержания сознания. Иначе говоря, язык является способом существования сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа.- СПб.. 1913.-240 с.
2. Ельмслёв, Луи. Прологомены к теории языка// Новое в лингвистике,- ВыпЛ.-М., 1960.-С. 264-389
3. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка.
- Подготовил к печати и отредактировал В.В.Пассек.-М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957.-286 с.
4. Солнцев В.М. О понятии уровня языковой системы // Вопросы языкознания. - М., 1972. - №3. – С.4-12
5. Соссюр Ф.де. Заметки по общей лингвистике. / Общая редакция, вступительная статья и коммент. НА.Слюсаревой. - М: Прогресс, 1990.-275С.

Язык и историческая эволюция

Кроме языка, древнейшие периоды истории человечества не имеют «живых» свидетелей. Правда, он с тех пор очень изменился, так что мы не поняли бы речи своих предков, если бы слышали её сейчас. Однако лингвистика в состоянии вскрывать в современном языке самые древние пласты и восстанавливать исходные (древнейшие) слова и формы, судя по ним о далёком времени. При этом особое внимание уделяется вопросу о древнейшем расселении народов мира, их родстве, географии переселений, контактах, взаимовлиянии (А.М. Svensson 1997; W. Jones 1999).

Изучение родство языков позволяет во многом прояснить далёкое историческое прошлое. В начале XIX века было установлено родство многих европейских языков с древнеиндийским языком санскритом. Ср.: русское «новый», литовское *navas*, латинское *novus*, древнегреческое *nevos*, древнеиндийское *navah*; русское «овца», литовское *avis*, латинское и древнегреческое *ovis*, древнеиндийское *avih*; русское «ночь», литовское

naktis, латинское *nox*, древнегреческое *nyx*, немецкое *Nacht*, древнеиндийское *nakt*; русское *два*, литовское *du*, латинское *duo*, древнегреческое *dyo*, древнеиндийское *duvan* и.д. это говорит о том, что в древности их носители говорили на одном языке, были единым народом.

Данные лингвистики позволяют таким образом говорить о прародине индоевропейцев. Для этого привлекаются общие индоевропейские слова, обнаруживаемые сегодня во всех индоевропейских языках и называющие растения, животных, металлы, минералы, элементы ландшафта и т.д. Так, существует «аргумент бука» (наличие слова, обозначающего бук) исключает возможность существования прародины индоевропейцев к востоку и северо-западу от западного Причерноморья. Соответственно «аргумент лосося» отсылает прародину индоевропейцев к бассейнам рек, которые выпадают в Балтийское и Северное моря, а также к Аральскому морю. Тысячелетиями сохраняется названия рек и озер гидронимы. Обнаружено их индоевропейское единство в Западной и Центральной Европе вплоть до южной Прибалтики.

Для определения времени существования индоевропейцев лингвистика анализирует слова, которые связаны с обозначением меди, бронзы, наковальни, терминов для обозначения способов обработки земли, видов оружия с привлечением данных археологии. Все это позволило указать на период V-IV тысячелетий до н.э. как вероятное время существования индоевропейцев.

Огромный вклад в историческую науку внесла лингвистика расшифровкой древних письменностей. В 1892 г. Франсуа Шампольон расшифровал древнеегипетские иероглифы. В начале XX в. чех Бедржих Черны расшифровал хеттское клинописное письмо IV тысячелетия до н.э. Немецкий учитель из г. Геттингена Ф. Гротенфенд расшифровал древнеперсидскую клинопись, а в 1893 г. Датский ученый В. Томсен – лохоно-енисейское письмо. Тем самым расшифрованные тексты открыли целые пласты человеческой истории.

Язык рассказывает о быте, материальной и духовной культуре, социальных отношениях древнейших народов. Иногда языковое свидетельство – единственное доказательство тому, что у древнего народа был тот или иной предмет, обычай, ритуал и т.д. Например, у многих народов «стена» происходит от глагола со значением «плести»: немецкое *Wand* от *winden*, литовское *siena* от *sieti* («связывать»), русское «плетень» – от «плести», древнерусское «оплот» (ср. «оплетать») и др., т.е., по – видимому, первые стены были плетеными.

Изучение письменности хараппской цивилизации (в Древней Индии, III-II тысячелетия до н.э.) позволило лингвистам установить такой важный исторический факт: дравиды находятся в родстве с другими индийцами. При этом получены многие лингвистические данные о прошлом материальной и духовной культуры индийской истории в III-II тысячелетиях до н.э. Скажем, слово со значением «пахать землю» в хараппском языке образовано от корня со значением «копать, разрывать» (т.е. первоначально

применялось мотыжное земледелие), позже оно заменилось на «резать, разрезать» (а это свидетельство тому, что возникло плужное земледелие). IV-III тысячелетия до н.э. – как свидетельствуют строительные термины – дравиды строили из дерева и крыли дома соломой и черепицей. Вождя называли «старейшина», «бог», т.е. царь обожествлялся.

Лингвистика позволяет уточнить многие исторические сведения. Скажем, известный римский полководец, политический деятель и историк Гай Юлий Цезарь утверждал, что германцы (I в д.э.) не занимались земледелием. Однако, лингвисты отмечают в германских языках многие слова, означающие «пахать», «сеять», «зерно», «колос», «ячмень», «борона» и т.д.

Роль свидетельств языка неоценима и в области изучения прошлого славян. И это важно, ибо древние писатели разноречивы и противоречивы в описаниях славянского общества: то рисуют славян мирно играющими на лирах и кифарах и не ведающими ни оружия, ни войн (Феофилакт Симокатта), то дикарями, истребляющими женщин и детей (Псевдо-Цезарий), то у славян не было опыта взятия крепостей (Прокопий) и т.д. Поэтому, если бы лингвистика не обратила должного внимания на данные языка, то мир бы не узнал бы всей исторической правды, а именно: славяне ни в чем особенно не отставали от других современников по родоплеменному строю. К примеру, они имели свои древние названия копья, щита, стрелы. Свидетельства лингвистики опровергают древних писателей, утверждавших, что славянское войско пешим и не знало конницы. А между тем названия седла и стремени относятся к древнейшим славянским пластам. Это свидетельствует не просто о езде верхом, а о кавалерийских усовершенствованиях. Историческим искажением было и такое утверждение Псевдо - Маврикия о славянах: «Вместо городов у них болота и леса». Напротив, у древних и древнейших славян было название города в смысле огражденного поселения (живые по сей день слова город, град и т.д.) и оно не только славянское, но и праиндоевропейское.

Лингвистика всё активнее проникает во многие другие тайны истории человеческой цивилизации. Например, индийский ученый доктор Шринивасан (в книге «Следы тамилы Индии в древней Америке») проследивает тамильское происхождение в 261 географическом названии Североамериканского континента (тамилы – древний народ на юге Индии). Так, Чавин – де – Уантар (название центра одной из древнейших индейских культур в перуанских Андах) переводится на тамильский как «погребальная церемония»; Тикаль (один из центров цивилизации майя) – как «слава и процветание»; Чикалинго (название города) и Тулисинго (название долины в Мексике) – это популярные мужские имена у тамилы и т.д. В итоге высказывается предложение посещения Америки древними индейцами задолго до Колумба.

Лингвистикой получены к настоящему времени и другие интересные данные о древнейших контактах этносов.

Так, А. Дульзон (1968) комплексно изучил кетский язык (сейчас кетов порядка 1200 человек; это охотники и рыбаки, проживающие в Красноярском крае около г. Игарки), составил словарь и грамматику и сделал заключение, что кетский язык сходен с языком басков Испании и с одним из индейских языков Северной Америки. Но это не только свидетельство о древнейших связях, но предположение, что Североамериканский континент когда-то был соединен с Азией.

Кстати, подобное лингвистическое обоснование цельности Североамериканского и Азиатского континентов получает и другие подтверждения. Так, американский ученый М. Сводеш (Swadesh 1939, с. 16-17) разработал метод анализа доисторических этнических контактов лингвистическими способами. Этот метод позволяет установить, что языки двух народов, которые выделялись из общего предка и начали самостоятельное развитие, изменяются с постоянной скоростью. Скажем, через тысячу лет среди наиболее важных слов этих языков остаётся уже только 66 % общих слов, через две тысячи - 43 % и т.д., т.е. слова постепенно изменяются, заменяясь другими. Причем, по – М. Сводешу, скорость этих изменений одинаково для всех языков. Поэтому по проценту общих слов в двух родственных языках можно с достаточной точностью установить время расхождения этих двух народов в их историческом развитии. М. Сводеш таким образом установил, что языки алеутов (Аляска) и эскимосов (Чукотка) разошлись порядка 2900 лет назад. А это было время образования Берингова пролива, разделившего Северную Америку и Азию. Именно с тех пор два народа и начали самостоятельное развитие. Позже это лингвистическая гипотеза была подтверждена геологами.

Об исторических событиях большая информация черпается и при анализе топонимов. Выявляя древнейшие значения топонимов, лингвистика позволяет узнать где надо узнать его объяснение. К примеру, название немецкого города Дрезден имеет с лингвистической точки зрения славянское происхождение – от названия древнеславянского племени дреждане (дрезга = «лес»), т.е. это были «лесные» - проживавших на Эльбе славяне, и сама местность была лесистой.

Можно привести еще и другие топонимические данные, имеющие безусловный исторический интерес. Так, на юге Испании располагается Андалузия. Из названия этого следует, что здесь (в V в.) обитало германское племя вандалов. Это и дало название для южной части страны – Вандалузия. Позже – при арабском завоевании провинциальное в отпало.

Или же и такой исторический факт. В Италии есть город Адрия, давший название Адриатическому морю. Но сейчас этот город находится в 22 км от моря. Конечно же, море не могло быть названо по имени сухопутного города. И действительно, в VI-V вв. до н.э. этот город стоял у моря, но в последствии песчаные наносы рек По и Адидже оттеснили его вглубь суши.

При описании истории предметов и явлений лингвистика использует частность называющих их слов. Так, в 1947г. Американский учёный Дж.

Ципф (G.K. Zipf 1947, с. 23) раскрыл связь между частотой употребления слова и его возрастом: чем выше частота слова, тем оно древнее. Отсюда малочастотные слова появились недавно. Кроме того, обнаружилась зависимость также между временем появления слова и его длиной в слогах. Например, в английском языке половина односложных слов старше 800 лет, у двухсложных старше 800 лет только 1/5 часть, у трехсложных – 3%, у четырехсложных – 1 %, а все пятисложные слова моложе 800 лет. Отсюда очевидно, что, определив достаточно приблизительно по частотности и длине слова время его возникновения, можно установить и дату существования в жизни народа предмета и явления.

Разгаданное наукой замечательное свойство языка – изменяясь, оставаться самим собой – помогает раздвинут рамки познаваемой истории. Лингвистика, исследуя внутренний смысл слова, показывает одновременно, что за смыслом слова, всегда стоит нечто большее – коллективный опыт народа, его дух, его подлинное величие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дульзон А.П. Кетский язык.- Томск, ТГУ, 1968.
2. Jones W. Images of language: Six essays on German attitudes to Europ. lang. From 1500 to 1800.- Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999.- 297 p.
3. Svensson A.-M. Middle English words for “town”: A study of changes in a semantic field.- Göteborg: Gothenburg studies in English, 1997.- [4], 220p.
4. Swadesh M. Nootka texts, tales and ethnological notes and lexical materials.- Philadelphia, 1939.- 280 p.
5. Zipf G.K. The psycho-biology of language. – Boston, 1947.- 268 p.

Статическое и динамическое в языке

Одной из особенностей всякого языка является его устойчивость. Она предопределяет назначение языка быть важнейшим средством общения между людьми. Но, будучи устойчивым, язык постоянно находится в движении. Он подвергается изменениям, обусловленными экстра – и интралингвистическими факторами. С течением времени языковые изменения достигают таких размеров, что наступает перевоплощение «одной языковой системы в другую» (Е.Д. Поливанов, 1968, с. 75).

Разумеется, процесс изменения не в одинаковой степени затрагивает разные уровни языковой системы. Наиболее чувствительна к этим изменениям лексическая подсистема. Особенно это проявляется в эпохи коренных преобразований общества. Поэтому-то различия между языковыми системами смежных по времени поколений касаются прежде всего лексико-фразеологических изменений (Е.Д. Поливанов, 1968, с. 79).

Конечно, язык непрерывно обслуживает людей смежных поколений, и они не обращают внимание на изменения, которые происходят на каждом

новом этапе его развития. Получается, что на каком-либо историческом срезе язык, с одной стороны, будто бы статичен и устойчив, а, с другой стороны, в нем протекают воистину сложнейшие динамические процессы. В подобном противоречии языка заключается основа его существования и источник развития.

На каждом отдельном смежном этапе языковой преемственности происходят лишь частичные (малоощущаемые носителем языка) изменения языковой системы. Что касается заметных сдвигов в языковой системе (приводящих со временем к значительному её преобразованию), то они являются суммой частичных изменений, которые накапливаются в истории нескольких поколений, нескольких этапов преемственной передачи языка от поколения к другому (Е.Д. Поливанов, 1968, с. 79). А между тем язык непрерывно обслуживает смежные поколения, и они не обращают внимание на изменения, происходящие в языке на каждом новом этапе его развития. Возможность передачи языка от одного поколения к другому достигается статически доминирующим над динамикой развития характером «процессов языковой преемственности» (Е.Д. Поливанов, 1968, с. 76). Именно этим объясняется то, что у последующего поколения отсутствует какое-либо целенаправленное стремление к изменению языка предшественников.

Как видно, понятия статического и динамического в языке (будучи относительно самостоятельными) диалектически объединены. Находясь в противоположных позициях, они являются в то же время взаимосвязанными и взаимозависимыми. Поэтому справедливо утверждать, что устойчивость (так необходимая языку для реализации функции общения) включает в себя не только статически обусловленную стабильность языковых элементов, но и «пребывание, сохранение данного процесса изменения» в языке (В.И. Свидерский, 1962, с. 9).

Собственно же устойчивость языка основывается на закономерностях повседневной деятельности человека в пределах земного макрокосма, что может часто обнаруживаться и в межъязыковом сравнении. При этом по степени сходства устойчивости делаются подборки эквивалентов в различных сопоставляемых языках. Именно подобным образом можно анализировать, к примеру, русские и английское предлоги простейшей предложной локативной конструкции, в которых из двух связываемых предлогом существительных первое обозначает расположенную в некотором пространстве величину (Spatial Entity – Sp E), а второе выполняет роль локализатора (Localizer – L – r). Ср. такие устойчиво-типичные группы пространственных предлогов в русском и английском языках:

1) локативные (Locative-Loc), осуществляющие простую отсылку к локации объекта: «Книга на столе» // The book is on the table;

2) адлативные (Adlative - Adl), указывающие на передвижение объекта в пространстве, в результате которого расстояние между располагаемым объектом и локализатором уменьшается: «Пловец нырнул в бассейн»// The swimmer dove into the pool;

3) аблативные (Ablative - Abl), также индицирующие перемещение, но

такое, в результате которого происходит увеличение расстояния между объектом и обозначаемым местом его расположения: «Несколько разменных монеток выпали из моего кармана» // *Some loose change fell out of my pocket*;

4) перлативные (Perlative – Perl), значение которых направлено на указание перемещения в пределах локализатора: «Мы шли через лес» // *We walked through the forest*.

Подобный подход к пониманию устойчивости в языке позволяет выводить на данном материале подсистему семантических моделей. Так, простейшая модель “SpE in L – r” отражает набор вариантов типа «располагаемый объект как часть, включаемая в локализатор как целое» (ср.: «лист в книге» - *a page in a book*), «располагаемый объект – лицо в локализаторе – учреждении» (ср.: «человек в тюрьме – *the man in jail*) и др. В итоге оптимально описываются не только семантика и селекционные ограничения того или иного предлога, но и диаграммы, отражающие различные схемы концептуализации пространства и позволяющие определить ведущие линии различий между предлогами русского и английского языков.

Таким образом, «статика и динамика являются неотъемлемыми атрибутами языка в период его истории» (Г.А. Климов, 1973, с. 110). Отсюда правомерен вопрос: В какой соотнесенности находятся статика и динамика с синхронией в языке?

Здесь важно остановиться на концепции Ф. де Соссюра (1990). Так, литературный язык он трактует как относительно неподвижный и наложенный на естественный язык. При этом подчеркивается, что проблема времени в лингвистике может привести к расщеплению её на две науки. Соссюр вводит сопоставление лингвистики с политэкономией, обосновывая необходимость использования понятия произвольно устанавливаемой ценности (стоимости-*valeur*) в семиологии, ориентированной на сиюминутные характеристики. Им указывается, что из двух сторон лингвистического знака независимо могла бы существовать понятийная сторона, т.е. «понятие как основа знака» (с. 191). Поэтому целесообразно «получать язык из языковой деятельности, отделив его от речи» (Там же).

Семиологию Соссюр считает новой особой наукой, не принадлежащей ни к естественным, ни к историческим наукам: «Семиология – это наука о знаках, которая изучает, что происходит, когда человек пытается передать свою мысль с помощью средств, которые неизбежно носят условный характер. Среди всех семиологических систем семиологическая система ‘язык’ является единственной системой (вместе с письмом ...), которой пришлось подвергнуться испытанию Временем» (с. 196). И при этом важно то, что она «основана на традиции императивного характера, передаваемого от отца к сыну и подвержена случайным изменениям, которые возникают в этой традиции» (Там же). И далее Соссюр указывает, что хотя лингвисты считают свою науку исторической, она - только семиологическая и тем самым включается в психологию, а психологи должны понять, что язык

имеет протяженность во времени и «полностью оставить спекуляции по поводу знака и понятия, ограниченных данным моментом времени (с.197).

Предмет лингвистики – языковая деятельность (*language*), которая «...оказалась замечательным орудием коллективной деятельности, с одной стороны, и индивидуального воспитания – с другой, инструментом, без которого индивид и род в целом действительно никогда не смогли бы даже надеяться развит в том или другом направлении свои врожденные способности» (с. 36). И это справедливо, ибо языки управляются определенными принципами, которые обобщены в понятии языковой деятельности, но и её изучение не отделимо от изучения конкретных языков, и, следовательно, «наука о языке является исторической и только исторической наукой» (с. 39).

История языка рассматривается Соссюром в двух параметрах: язык варьируется (а) во времени и (б) в пространстве.

В первом параметре раскрываются два главных (тесно взаимосвязанных) принципа: непрерывности во времени и изменения во времени (фонетические изменения и аналогия, т.е. звуки и формы). Изменения же в пространстве обнаруживаются на соотношении языка и диалектов, отграничение которых весьма затруднительно. Поэтому, по - Соссюру, понятие языка (*langue*) неопределенно как во временном, так и в пространственном параметрах (см. еще также: F. de Saussure, 1974, p.40-41).

Подобная трактовка получает конкретизацию и в решении различных прикладных лингвистических задач. Так, он следующим образом разграничивает фонетику и морфологию: «Когда мы рассматриваем одну и ту же форму в разные моменты времени, мы занимаемся фонетикой, и, каждый раз, когда мы рассматриваем различные формы в один тот же момент времени, мы занимаемся морфологией» (с.69). А морфология – это теория знаков, но не форм, так как для выделения каждого знака «абсолютно необходимо опираться на другие знаки той же системы» (с.70). При этом проводится различие между ретроспективной (анахронической) морфологией (где даётся как бы проекция на одну плоскость состояний разных эпох) и исторической морфологией (где даётся перспектива последовательных классификаций одних и тех же форм). Отсюда Соссюром отвергается традиционное включение фонетики (*Lautlehre*) наряду с морфологией (*Formenlehre*) в состав научной грамматики, потому что первая соотносится с предшествующими состояниями языка.

Однако, тезис Ф. де Соссюра о том, что синхрония – это статика, а диахрония – динамика, не разделялся уже И.А. Бодуэном де Куртенэ (1963) и Е.Д.Поливановым (1933, с. 17) и другими, которые видели в синхронии наличие элементов эволюции, не отождествляя тем самым синхронию и статику.

Действительно, взаимоотношения между статикой и динамикой, с одной стороны, и синхронией и диахронией, с другой, весьма сложные. Более того, синхронию и диахронию нельзя прямолинейно противопоставлять статике и динамике, поскольку это в сущности явления разноплановые:

динамика и статика (как категории «объективной реальности языка») характеризуют язык, а синхрония и диахрония есть категории методики осуществления подобной лингвистической характеристики (Э. Косериу, 1963, с. 154-155; В.А. Звегинцев, 1962, с. 182-184).

Выше мы уже заметили, что развитие языка и связанные с этим изменения происходят почти незаметно для современников: «спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики...» (И.А. Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 349).

Динамика языка, как процесс, обусловлена многими факторами. Поэтому «статичность», хотя это и может показаться парадоксальным, является не синхроническим, а диахроническим фактом: чтобы обнаружить её, надо рассматривать язык во временной перспективе» (Э. Косериу, 1963, с. 322). Определение же этой перспективы и выявление того, что устойчиво и статично (пусть и относительно), а что соответственно нестабильно, динамично, оказывается возможным лишь после установления в языке определенных исторических границ (или этапов), т.е. плоскостных срезов истории языка. Это позволит носителю языка воспринимать его как объективно существующее средство коммуникации, а лингвисту – установить системный характер фактов языка и оценить их ретроспективно и перспективно.

Определение исторических срезов в развитии языка возможно по-разному. Это приёмы искусственные (субъективные), или же они основываются на объективных факторах, позволяющих установить градации состояний языка.

При искусственных приёмах установления плоскостных срезов в истории языка временные границы (верхняя и нижняя) будут всегда подвижными. Их толкование субъективно, что обусловлено целями конкретного исследования. Так, темпоральный диапазон охвата изучаемого материала избирается узким или же очень широким. К примеру, в истории лексикографии немецкого языка А.М. Бушуй (1979) выделил этапы длиной в столетие (срезы XVI, XVII, XVIII, XIX, XX вв.). В итоге исследователь смог увидеть в процессе изучения каждого установленного среза германского словарного дела «движение в неподвижном» и «неподвижное в движении», т.е. объективно описать систему данного языка. При этом для каждого столетнего среза в истории немецкого языка был выбран опорным для анализа того времени: Латинско-немецкий и Немецко-латинский словарь Петриуса Дазиподиуса (XVI в.), Словарь немецкого языка Каспара фон Штилера (XVII в.), Немецко-русский словарь Якоба Родде (XVIII в.), Словарь немецкого языка братьев Гримм (XIX в.), Словарь современного немецкого языка Рут Клаппенбах и Вольфганга Штайница (XX в.).

Что касается объективных факторов разграничения срезов в истории языка, то они обусловлены в первую очередь историей народа, носителя данного языка. Естественно, что при объективной обусловленности установливания срезов возникают более благоприятные условия для

плодотворного изучения состояния языка того или иного исторического этапа, раскрытия внутренних структурных особенностей языка, выявления закономерностей экстралингвистического влияния, показа динамики функционирования языковых фактов и т.д., ибо исторически маркированные хронологические границы срезов образуют достаточно самостоятельный языковой ареал.

Синхронический анализ языка генетически предшествует его диахроническому описанию, поскольку необходимой предпосылкой диахронического изучения всегда будет наличие результатов исследования минимально двух последовательных хронологически связанных срезов истории языка (Г.А. Климов, 1973, с. 116), сопоставление которых позволяет выявить причины сдвигов в языковой системе, установить место того или иного состояния языка в общем потоке языкового развития и т.д., т.е. диахрония в этом плане целиком зависит от синхронии. Правда, несмотря на это, и синхронический и диахронический подходы к языку являются достаточно самостоятельными приёмами. У каждого из них свои цели и задачи.

Например, при диахроническом анализе цель заключается в том, чтобы показать динамику системных изменений на фоне статических явлений. С ними находится в диалектической связи то, что подлежит изменению. Наоборот, задачей синхронического подхода является исчерпывающее описание статики языка при обязательном указании на наличие в языке элементов динамики. При этом следует иметь в виду, что система всякого языка состоит из иерархически связанных подсистем (фонологической, морфологической, словообразовательной и т.д.), каждая из которых в свою очередь отличается сложной структурой и в связи с этим имеет также многоступенчатую иерархию подсистем более высокого и более низкого порядков. Каждая из подобных иерархий допускает исчерпывающее синхроническое описание и оптимальное диахроническое исследование, выявление статики и динамики и т.д., ибо в границах каждой из подсистем в отдельности наличествующие структурные элементы находятся в сложных соотношениях и взаимосвязях, т.е. имеют системный характер. В целом же, подобное относительно изолированное изучение отдельных разноранговых подсистем должно с необходимостью восприниматься одним из моментов исследования общей системы конкретно взятого языка.

Таким образом, язык относится к числу открытых, динамических, гетерогенных систем. Открытость языковой системы заключается в том, что она не функционирует изолированно из общества, а развивается совместно с развитием общества и мышления человека, опираясь на опыт и практику (в отличие от биологических, кибернетических и иных систем).

Система языка открыта для мышления. Она обладает значением. Другие же системы таковым не обладают и поэтому являются закрытыми. При этом важно учитывать следующее: «основная задача специализированных теорий системы – построение конкретно-научного знания о разных типах и разных аспектах системы, в то время как главные

проблемы общей теории системы концентрируются вокруг логико-методологических принципов анализа системы, построения метатеории системных исследований» (ФЭС, 1989, с. 585).

Открытость системы языка обнаруживается на всех уровнях. Особенно заметно она проявляется на фонетико-фонологическом и лексико-семантическом уровнях, которые дают возможность проникновению иноструктурных элементов (заимствование звуков и лексико-семантических элементов).

Динамичность языковой системы выражается в том, что она исторически изменяется. Поэтому синхронный анализ языка не раскрывает в полной мере его сущность. Действительно, динамичность системы языка обнаруживается в противопоставлении речевой деятельности и языковых традиций, проявляясь в виде потенциальности возникновения новых свойств, оттенков и характеристик исходных строевых единиц.

Термин «потенциальность» (вслед за Ф. де Соссюром, 1990) ввёл в общую лингвистику В. Матезиус. Под ней он подразумевал статическое колебание языка индивидуумов в коллективе. Поскольку В. Матезиус был сторонником противопоставления синхронии и диахронии и не учитывал специфики их применения в динамике языкового строя, постольку он достаточно искусственно относил потенциальность к статике, понимая под термином «потенциальность» и «статическое колебание», т.е. «неустойчивость в данную эпоху в противоположность динамической устойчивости, проявляющейся во временной последовательности» (1967, с. 42). Стремление В. Матезиуса сблизить динамику языковых микроэволюций (реализующих потенциальность) со статикой кодифицированных структур вывело его к такому противоположному по смыслу термину, как «статические тенденции» (1967, с. 43). На самом же деле тенденции не могут быть статическими, ибо они могут быть лишь принадлежностью движения или развития, которые таятся в глубине нормализованного строя языка, изменению во времени. В конечном счете, В. Матезиус трактует потенциальность как подготовительную ступень к появлению нового в языке. Иначе говоря, потенциальный – это значит скрытый, свёрнутый до времени, внешне почти не проявляющийся, но готовый проявиться, т.е. способность для будущего изменения языковой структуры.

Соответственно и открытость системы языка проявляется в том, что языковая система потенциальна, ибо она лишь частично реализуется в действующей норме языка. Открытость, проявляющаяся в потенциальности, объяснима не только тем, что наличествует в языке, но и тем, что в нем только возможно. Иначе говоря, нет языка, исчерпавшего свои возможности. В противном случае он перестал бы удовлетворять общество как средство общения и как выразитель новых явлений в нем. Именно открытость позволяет использовать язык для передачи всевозможных инноваций, уточнения и конкретизации имеющихся средств языка и – тем самым – для их обогащения.

При этом для того, чтобы раскрыть в языке механизм потенциальных изменений, их причины, интенсивность и тенденции, важно не просто указать на ту или иную ступень в обновлении языка, а разработать определенную систему критериев, посредством которых можно устанавливать степень вероятности сдвигов в языке.

Таковым критерием, например, является соответствие / несоответствие новаций тенденциям развития языка. Новации, которые совпадают с сильными тенденциями, становятся поэтому неоформами. И наоборот, новации, несовпадающие с наиболее сильными тенденциями, не имеют перспективы удержаться в языке: напряженность соответствующих грамматических полей оттесняет их на периферию языковой системы, откуда они могут окончательно исчезнуть (K. Hale, S.J. Keyser, 2002, с. 10-11).

Важнейшим же условием для реализации потенциальности будет продуктивность нового. При этом, скажем, продуктивность модели – это мера его потенциального заряда. Частотность и продуктивность – это две стороны одного явления. Отсюда все то, что встречается чаще, оценивается как продуктивное и, соответственно, потенциально значительное.

Примечательно, что в подобном ракурсе рассматриваются динамика и статика социальные (ФЭС, 1989, с.175). С одной стороны, изучаются процессы изменений социальных явлений (причинная обусловленность, характерная направленность, предсказуемость последствий, регулирующие факторы, отношения индивидуума и общества, закономерности формирования социальных инноваций и т.д.) с выходом на теорию прогресса, а, с другой стороны, анализируется социальная статика, предметом которой являются социальные структуры, их устойчивость, место структур в социальном целом, взаимодействие структур и их функциональная активность, типология структур устойчивого статуса и т.д. Разумеется, как и в общелингвистическом плане, философское толкование динамики и статики признаёт условность этих понятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - Т.1.-2.- М.: Изд-во АН, 1963.- Т.1-384 с.; т.2 -391 с.
2. Бушуй А.М. Принципы отражения немецкой фразеологии в двуязычной лексикографии.- Самарканд: СамГУ, 1979. -74с.
3. Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. – М.: МГУ, 1962.- 384 с.
4. Климов Г.А. Проблема разграничения синхронии и диахронии // Общее языкознание. – М., 1973
5. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике, вып.-3.-М., 1963. – С. 143-343
6. Матезиус В. О потенциальности языковых явлений // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967.- С. 42-69

7. Поливанов Е.Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком.-Ташкент, 1933.-182 с.
8. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию – М.: Наука 1968.- 376 с.
9. Свидерский В.И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. – М., 1962
10. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Перевод с франц. Нарумова Б.П. / Общая редакция, вступительная статья и коммент. Слюсаревой Н.А. – М.: Прогресс, 1990.- 275 с.
11. Философский энциклопедический словарь. 2 издание. – Ред. коллегия: С.С. Аверинцев и др. – М.: СЭ, 1989. – 815с. (ФЭС)
12. Hale K., Keyser S.J. Prolegomenon to a theory of argument structure.- Cambridge (Mass): MIT press., 2002.- X, 286 p.
13. Saussure F. de. Cours de linguistique generale / Ed. Engler R.- T.2.- Wiesbaden, 1974. -51 p.

2.2. Основы философии языка Вильгельма фон Гумбольдта

Вильгельм фон Гумбольдт - уникальное явление в истории мировой духовной культуры. Его идеи - не прошлое для общечеловеческой культуры, а её настоящее. Гумбольдт является родоначальником новых мыслительных парадигм и в области философии (философской антропологии), и в области языковедения (антропологической лингвистики), в рамках которых осуществляют своё движение философская и научная мысль нашего времени.

Мировая история языкознания XIX века характеризуется сложностью путей развития научных представлений. XIX век знает периоды бурного развития теоретических идей и основополагающих открытий и периоды педантичного собирания и кропотливой обработки фактического материала самых различных языков мира.

Первым теоретиком в области языкознания XIX в., сделавшим попытку осмыслить весь обширный материал и имевшиеся результаты научных открытий и сформулировать фундаментальные положения методов лингвистической науки был Гумбольдт, учёный с ярко выраженным философским складом ума и стремлением к теоретическим обобщениям.

Противоречивый и порой парадоксальный характер исследований, посвященных Гумбольдту, отражает в определённой мере и место, занимаемое этим учёным в истории науки (см. сборник: Wilhelm von Humboldts Sprachdenken ..., 1989). Несмотря на неоднократно повторяемое утверждение о том, что Гумбольдт является основателем современного общего языкознания, приходится признать, что реальное влияние ученого на развитие языкознания XIX - начала XX в. было минимальным. Эмпирические исторические исследования, господствовавшие в это время, практически никак не соотносились с духом лингвистического наследия Гумбольдта. Эта ситуация нашла отражение в полемике двух учёных, предпринявших в конце XIX в. издание основного труда Гумбольдта - А.Ф.Потта и Г. Штейнталя. Беспомощность комментариев Потта - и это при том, что только введение

занимает более 500 страниц - наглядно демонстрирует несовместимость мышления этимолога-эмпирика Потта и философски ориентированного Гумбольдта. Работа Г. Штейнталя стала первой серьезной попыткой анализа и критического осмысления творчества Гумбольдта. Она и по сей день остаётся тем ориентиром, который нельзя не учитывать, независимо от того, поддерживает или опровергает исследователь выводы Г.Штейнталя (1956).

В целом лингвистические взгляды Гумбольдта имеют философско-культурологические основы. Уже в ранней работе ученого «О мышлении и речи» содержится ряд положений, характерных для творчества позднего Гумбольдта. В своих построениях Гумбольдт объединяет трансцендентально-логический (классическая немецкая философия) и антропологический (И.Г.Гердер) подходы. Чрезвычайно важно, что для Гумбольдта даже проблемы грамматической структуры - в типологическом или историческом аспекте - всегда имели значение только в общей культурологической перспективе развития человечества, что и отличало его от других языковедов того времени.

Гумбольдт относится к тем мыслителям, научные построения которых в большей мере принадлежат последующим эпохам развития науки, чем современникам. Не случайно идеи, высказанные Гумбольдтом в различных областях теоретического языкознания, остаются источником размышления и новых научных построений.

Предметом философии языка является осмысление сущности и предназначения языка, установление наиболее общих условий, форм и закономерностей его бытия. В зависимости от избираемого ракурса рассмотрения этих проблем и способов их разрешения философия языка формируется в рамках философии или же собственно языковедческой науки (лингвистики, семиотики), являясь в обоих случаях необходимым посредником между этими важнейшими областями человеческой духовно-интеллектуальной деятельности. В своей философии языка Гумбольдт, осуществив синтез целостно-философского и конкретно-научного подходов к его изучению, открыл новые пути постижения языка.

Лингво-философская концепция языка Гумбольдта образует ядро философской теории формирования человека, разработанной им в рамках философско-практического человековедения. Эту теорию можно рассматривать как своеобразную попытку ответить на вопрос Иммануила Канта «Что такое человек?». Понять, что такое человек, для Гумбольдта означало выявить силу, делающую человека человеком. Такую силу он и усматривает в "языке, трактуя его как деятельность человеческого духа, единую энергию народа, пронизывающую собой всё бытие человека.

Осознание тесной взаимосвязи языка и человека с необходимостью приводило Гумбольдта к принятию двух методологических принципов их изучения: 1) познание человека неполно и даже невозможно без изучения языка, 2) понять природу языка и объяснить её можно лишь, исходя из человека и его мира. Первый принцип был положен Гумбольдтом в основу его учение о человеке (сравнительной, всеобщей и философской

антропологии). Второй принцип, который можно назвать антропологическим, был избран в качестве базисного в его лингво-философской теории языка.

Базисный принцип теории выступает в роли её последнего основания. Его методологическая функция состоит в том, чтобы задать целостность и границы реальности («универсума»), в пределах которой будет осмысливаться объект изучения. При адекватно выбранном базисном принципе объект изучения предстаёт в теоретическом пространстве концепции как необходимый элемент этой реальности, подчиняющийся действию её законов. В философии языка Гумбольдта, исходящей из идеи тесной связи языка с мышлением, сознанием и культурой человека, в качестве реальности, необходимой и достаточной для понимания природы языка и его жизнедеятельности, принимается универсум человека.

Антропологический принцип в философии языка непосредственно противостоит двум другим возможным принципам - трансцендентальному и имманентному, - в соответствии с которыми границы реальности, признаваемой необходимой и достаточной для понимания природы языка, проводятся иначе. При трансцендентальном подходе, в котором язык понимается как «божественное откровение» и возводится к действию над природных сущностей, границы реальности, в пределах которой осмысливается язык, максимально расширяются и выводятся за рамки бытия человека. При имманентном подходе (по крайней мере, в его формально-семиологической разновидности), считающем возможным рассматривать язык как самодостаточную сущность - «в самом себе и для себя»- и объяснять его из мира самого языка, границы такой осмысляющей реальности проводятся внутри универсума человека (О.А.Донских, 1984, с.10-11).

В философии языка Гумбольдта, развиваемой на антропологических началах (т.е. эксплицитно включающей человека в онтологию языка), описание человеческого универсума и самого человека является не просто теоретическим фоном для представления языка, а его необходимой составной частью.

Универсум человека задаётся Гумбольдтом в сопоставлении с миром природы, с которым он образует единое целое. Точкой их пересечения служит человек, соединяющий в себе два начала - физическое, идущее от природы, и специфически человеческое, связанное с феноменом свободы, языком, культурой. Для антропологии Гумбольдта характерно понимание человека как живой целостности - телесно - духовно - душевного единства, - где все начала пребывают в органическом взаимопроникновении. Человек в понимании Гумбольдта, есть активное, деятельное, самостоятельное, общественное существо, наделённое самосознанием и свободой. Он является творцом цивилизации и культуры, которые, несмотря на их важную роль в гуманизации естественного человека, не могут считаться вершинами того, до чего может подняться человеческий дух. Главным проявлением духовной

силы человека, по Гумбольдту, считается язык, исходящий из глубин человеческого существа, «тайников его природы».

Рассматривая язык как необходимый элемент универсума человека, Гумбольдт связывал в своей теории с человеческим началом все важнейшие моменты бытия языка - его функциональное предназначение, возникновение, становление, развитие, а также общие принципы его внутренней организации.

Первопричина языка, по Гумбольдту, коренится во внутренней потребности человечества - необходимости осуществлять контакты с миром и другими людьми, а также совершать своё духовное восхождение. Эти три жизненно важные стороны человеческого бытия определяют как само наличие языка у человека, так и содержание базисных функций языка: 1) интерпретативно – деятельностной (выступать как миропонимание, позволяющее человеку ориентироваться в мире и плодотворно на него воздействовать), 2) коммуникативно - деятельностной (выступать в качестве средства установления контактов между людьми, дающего им возможность осуществлять влияние друг на друга), 3) рефлексивно - деятельностной (выступать в качестве средства стимулирования духовного развития человека).

Универсум человека, по Гумбольдту, диалектически организован. Диалектическое начало лежит и в основе языка, с необходимостью подчиняющегося действию закономерностей человеческого универсума. Своё понимание диалектической сущности языка Гумбольдт задаёт путём развертывания смысловых оппозиций, характеризующих язык с различных сторон: 1) идеальное - вещественное (форма - материал); 2) внутреннее - внешнее; 3) деятельность - продукт (вещь); 3) живое - мертвое; 4) творческое - нетворческое (продуктивное - репродуктивное); 5) свобода - связанность (предопределенность, детерминированность); 6) инвариантное - вариативное; 7) универсальное - уникальное; 9) всеобщее - индивидуальное; 10) социальное - индивидуальное; 11) потенциальное - наличное; 12) безграничность (беспредельность, бесконечность) - (ограниченность, предельность, конечность); 13) заложенное - актуализированное; 14) субъективное - объективное; 15) пассивное - активное.

С помощью этих смысловых оппозиций формулируются базисные антиномии языка, фиксирующие основные формы его существования:

- 1) Язык так таковой (единое) и разнообразие языков (многое), в которых он воплощается;
- 2) Язык как языковая способность человека и как её живая актуализация в форме реальных языков;
- 3) Язык как деятельность и эманация;
- 4) Язык как энергия и эргон;
- 5) Язык как речь и её понимание.

Языки, по Гумбольдту, являются отображением изначальной языковой способности, заложенной в человеке и актуализирующейся с помощью активности говорящего. Идея о заложенности языковой способности в

человеке и реализации её в различных языках логически противостоит двум полярным теоретическим решениям проблемы происхождения, языка - вульгарно-антропологической теории намеренного изобретения языка человеком и теории божественного создания языка, утверждавшей, что высокосоввершеннейший язык непостижимым путём был внушён человеку. Первая концепция, рассматривая язык как продукт творческой деятельности человека, гипертрофировала мысль о неограниченной власти человека над своим языком. Вторая концепция, возводившая образование языка к деятельности сверхчеловеческих сил, развивала идею творческой пассивности человека в лингвокреативном процессе.

В философии языка Гумбольдта были синтезированы и осмыслены в широком теоретическом контексте верные интуиции, лежащие в основе этих теорий,- мысль о творческой активности и вместе с тем пассивности человека в лингвокреативном процессе и идея власти человека над языком и языка над человеком. Идея о пассивности человека в этом процессе получила своё дальнейшее развитие и углубление в гипотезе о заложенности языковой способности в человеке, в понимании языка как дара народу, языка как самодеятельности и языка эманации (порождение) духа. Идея об активности человеческого духа получила своё развитие в понимании языка как энергеи (живой деятельности человеческого духа), в методологическом принципе рассмотрения языка как вечно порождающегося. Необходимость учитывать активность человека в лингвокреативном процессе выразилась в методологической установке Гумбольдта сводить к минимуму всё врожденное в человеке и как бы сразу данное ему. Язык, как считает Гумбольдт, заложен в человеке в виде некоторых принципов деятельности; при этом в нем как в вечно созидающем себя организме определены лишь законы порождения, а объём порождаемого материала и в известной степени сам способ порождения остаются совершенно произвольными.

Принцип субъективной активности человека лежит в основе интерпретации всех наиважнейших ситуаций жизни языка - усвоения языка детьми, употребления языка взрослыми, изучения живых и мертвых языков, а также ситуации достижения взаимопонимания в процессе языкового общения. Языку, полагает Гумбольдт, фактически нельзя обучить, его можно лишь пробудить в душе. Человек создаёт в себе язык каждый раз своими собственными усилиями. Каким он вызывает его к жизни, таким он и становится для него. Языковая способность человека пробуждается в ходе речевого общения, и многое из того, что не содержится непосредственно в языке, должно быть восполнено работой духа, пробуждённой языком. В языке нет ничего окаменелого, неподвижного, и его как бы омертвевшая часть всегда должна заново порождаться с помощью мысли, оживать в речи или в понимании, переходя целиком в субъект. Большой ошибкой было бы трактовать процесс понимания как передачу собеседникам знаков предметов или же как настраивание друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия. Понимание друг другом людей осуществляется через со - мышление. Слово как элемент языка. просто побуждает слушающего

образовывать понятия собственными силами, определяя лишь, как это сделать. Всякий язык хранит в себя своё жизненное начало. Если оно начинает угасать или, угаснув, запечатлевается в словах мертвого языка, его можно вызвать вновь к жизни новыми усилиями субъективной активности. При вторичном истощении языка гений великих людей вновь может пробудить языки и нации, вырвать их из спячки.

Глобальный процесс, свойственный человеческому универсуму, по Гумбольдту, - это синтез идеального и материального начал. Сквозь призму этого процесса Гумбольдт рассматривает и самого человека и язык как продукт его деятельности. Существо человека составляет синтез духа (души) и тела, существо языка - синтез звука и мысли. Сущность всякой человеческой индивидуальности составляет непроницаемая тайна бесконечно разнообразного соединения телесной материи с духовной силой. Та же тайна лежит и в основе слова, в котором неповторимо конкретным образом соединяются между собой звук и понятие соответственно истинной природе каждого. Эту неповторимость соединения мысли со звуком передаёт понятие характера языка, выражающее идею высшей индивидуализации предмета.

Показателем внутренней целостности теории служит последовательность проведения в ней её базисного принципа. Непоследовательность в его проведении, если она только не объясняется субъективными мотивами (случайными ошибками автора), свидетельствует о неадекватности базисного принципа, его методологической ущербности для этой теории. При последовательно проведённом базисном принципе все теоретико-методологические процедуры строго осуществляются в рамках теоретического пространства, развертываемого в соответствии с этим принципом. Любое изменение рамок теоретического пространства - сужение или, напротив, расширение - привело бы к нарушению важнейших методологических регулятивов теории - принципов экономии («не умножать теоретические сущности сверх меры») и исчерпываемости (не допускать неоправданной редукции объекта изучения, искажающей его природу).

В каждой теории можно выделить особые «диагностирующие контексты» для её базисного принципа, или такие теоретико-методологические моменты в её развертывании, где этот принцип легче всего может быть нарушен. Отступление от последовательности проведения антропологического принципа философии языка скорее всего можно ожидать в ситуации объяснения явлений, располагающихся как бы на периферии «антропологического пространства» концепции - на границе этого пространства с другими. К таким пограничным ситуациям относятся разрешение проблемы возникновения языка и проблемы определения базисного механизма его действия. В первом случае возможен выход в «трансцендентальное пространство» сверхчеловеческих сущностей, во втором (при сведении механизма языка к действию внутриязыковых сил) - в «имманентное пространство».

В гумбольдтовской философии языка с её диалектической техникой построения теории все важнейшие моменты существования языка, включая трактовку его возникновения и базисного механизма действия, теоретически сводятся к проявлению антиномий, которые являются своеобразным диагностическим контекстом для антропологического принципа.

Известное впечатление об обращении Гумбольдта к имманентному принципу могла бы вызвать его трактовка языка как самодеятельности, рассматриваемая вне контекста общедиалектического понимания сущности языка. Между тем эта идея образует необходимое звено в цепи диалектических рассуждений Гумбольдта о природе языка - фрагмент теоретической антиномии зависимости и независимости языка от человека. Эта антиномия тесно вплетена в следующий пучок антиномий, логическая схематизация которого вызывает наибольшие дискуссии. С одной стороны, язык, по Гумбольдту, «божественно свободен». В своей самодеятельности он проистекает только из себя. Он не есть произведение чьей либо деятельности, а непроизвольная эманация духа, не произведение народа, а доставшийся ему дар судьбы. С другой стороны, язык есть деятельность человеческого духа, и в этом плане он зависит от человека. Языки скованы и зависят от народов, которым они принадлежат.

Развёртывание концептуального содержания философии языка Гумбольдта допускает логическую возможность обращения к трансцендентальному принципу. На это обратил внимание, в частности, русский философ и языковед А.А. Потебня (1913, с. 32), находивший в концепции Гумбольдта две антиномии, в которых предполагается в неявной форме апеллирование к «божественному началу». Первую из них — «антиномию человечности - божественности» - он усматривал в трактовке Гумбольдтом язык как произведения духа народа и как дара народу его судьбой. Возведение происхождения языка к деятельности народного духа означало признание человеческого происхождения языка. Трактовка же языка как дара народу было отступлением от этого допущения, которое и привело к тому, что Гумбольдту не удалось, по мнению Потебни, «удержать человеческое происхождение языка» не только для практики, но и для теории. Вторая антиномия, где предполагается апелляция к «божественному началу», - это антиномия раздельности и единства языка и духа. Потебня считает, что в концепции Гумбольдта языка и дух народа с необходимостью должны быть возведены к высшему (божественному) началу, высшему внутреннему единству и рассматриваться как проявление этого единства, поскольку язык народа не может быть выведен из народного духа.

Обе антиномии - человечности - божественности и раздельности - единства языка и духа народа - , как считает Потебня, самим Гумбольдтом теоретически не были проработаны и остались сырым материалом. Непроработанность их в трансцендентальном ключе объясняется, вероятно, не теоретической поспешностью Гумбольдта, а особенностями его философско-методологической позиции, исключавшей для него возможность обращения к трансцендентальному плану. Гумбольдт ни мог совершить

указанных Потебнёй теоретических шагов ни как философ, не как учёный. Как философ Гумбольдт развивал вариант философской антропологии, где предполагалось допустимым и возможным понимать человека из самого человека и его мира. Отказавшись вместе с послекантовской философией усматривать последнее основание бытия в трансцендентном, он нашел такую первооснову, такое «Единство», в котором снимается всякая противоположность единства и множества, в «Человечестве». Как ученый Гумбольдт избегал теоретического осмысления областей, лежащих вне предела человеческого понимания, к которому с точки зрения науки относятся области, не доступные для подлинно - научного изучения - моменты зарождения (возникновения бытия) и умирания (прекращения бытия).

Отмеченные Потебнёй антиномии не остались сырым материалом в теории Гумбольдта. Они были проработаны им в антропологическом ключе. Антиномия языка как продукта деятельности человеческого духа и как дара народу, интерпретированная Потебнёй как антиномия человечности - божественности, получила у Гумбольдта также антропологически - ориентированный ракурс рассмотрения. Она была осмыслена им как антиномия собственно человеческого - чисто природного - начала в языке. Человеку, по Гумбольдту, дарована лишь способность к языку, стремление к его созданию, а не сам язык. Эта способность является у человека врождённой (заложена в нём), развертывание же этой способности осуществляется человеком по законам человеческой деятельности.

Антиномия раздельности и единства языка и духа разрешается у Гумбольдта, как и другие антиномии, в пространстве человеческого универсума единством человеческой природы. По Гумбольдту, дух народа и язык составляют единую нераздельную деятельность интеллектуальной силы народа.

Дальнейшее осмысление системы антиномий - антиномии языка как произведения народа и языка как дара народу и антиномии зависимости и независимости языка от человеческого духа - осуществляется с помощью противопоставления деятельностного - созидательного и «эманационного» начал в языке. Язык, в понимании Гумбольдта, есть, с одной стороны, деятельность духовной силы человека, а с другой стороны - непроизвольная эманация духа как некой самостоятельной силы, лежащей за пределами внешних явлений. Язык исходит из такой глубины человека, которая не позволяет рассматривать его как творение народа. Понятие эманации Гумбольдт использует, видимо, не в строгом смысле этого слова, а как контекстуальный коррелят к понятию деятельности. Понятие эманации, разработанное в неоплатонизме, означает исхождение низших областей бытия из высших, когда высшие области остаются в неподвижном и неисчерпаемом состоянии, а низшие предстают как постепенно убывающие (А.Ф. Лосев, 1970, с. 551). В строгом смысле термина эманация как нисхождение противопоставляется восхождению, совершенствованию, развитию из зародыша. Понятие эманации в концепции Гумбольдта

подчеркивает бессознательное («невольное») начало в языке, его глубинность для человека, непроницаемость его для человеческого сознания.

Как видно, все языковые антиномии в гумбольдтовской философии языка, выступающие в качестве диагностического контекста для обоснования последовательности проведения в ней антропологического принципа, задаются и разрешаются в пределах единств, не выходящих за рамки пространства, очерчиваемого антропологическим принципом, что и свидетельствует о последовательности его проведения в теории Гумбольдта.

Итак, основной идеей концепции Гумбольдта является взгляд на язык как деятельность, причем эта идея выражается у Гумбольдта на дотеоретическом языке, для которого характерна метафоричность, образность, символика (образы пути, дороги, потока, русла и т.д.). Деятельностная концепция языка у Гумбольдта характеризуется «экстенсивизмом», понятием, противоположным имманентному исследованию языка. Экстенсивный подход предполагает рассмотрение языка в широком контексте, координаты которого включают в себя связки «язык-дух», «язык-человек», «язык-мышление», «язык-действительность», «язык-этнос (культура)» и их более сложные комбинации.

Внутренние резервы гумбольдтовской программы изучения языка далеко не исчерпаны современной лингвистикой, в центре внимания которой находятся проблемы соотношения языка и действительности, языка и человеческого сознания, мышления, культуры. В своей философии языка, развиваемой на антропологических началах, Гумбольдт теоретически связал воедино самые разнообразные моменты бытия языка, которые при других подходах или вообще исключались из области научного изучения, или рассматривались изолированно. Последовательное проведение антропологической программы изучения языка Гумбольдта привело бы к выдвижению и развитию ряда направлений лингво-теоретических исследований на единой методологической основе: лингвогносеологии, предметом которой является исследование познавательной функции языка, взаимоотношений человека и действительности через посредство языка, а также изучение языка как представления познаваемого человеком мира, лингвокультурологии, ориентирующейся на изучение связи «человек-культура-язык», лингвосоциологии, изучающей взаимоотношение языка и общества, лингвопсихологии, изучающей взаимоотношение языка и индивида, и лингвопраксеологии, изучающей влияние языка на практическое поведение человека (язык как неосознанная активность, по Гумбольдту, диктует человеку правила обращения с предметами).

Для понимания лингво-философской концепции Гумбольдта представляют значимость обобщения: 1. Текстуальный анализ не позволяет считать понятие «внутренняя форма» одним из центральных понятий лингвистической теории Гумбольдта: это словосочетание появляется лишь в последнем труде Гумбольдта, но и в нем не получает достаточно четкой интерпретации. Действительным творцом концепции «внутренней формы» как одного из центральных лингвистических понятий стал Г. Штейнталь; ему

и обязано языкознание дальнейшими оживленными дискуссиями на эту тему. Что же касается самого Гумбольдта, то в его творчестве гораздо большее значение имеет понятие формы языка вообще, охватывающее как содержательные, так и материальные аспекты речевого действия. А «внутренняя форма» у Гумбольдта является скорее синонимом интеллектуальной деятельности как необходимого условия существования языка, не являющегося уже, по сути, предметом лингвистического исследования.

2. Гумбольдт в своих лингвофилософских построениях преодолевает традиционные метафизические противоположности, например «внешнее-внутреннее», представляя звук языка как органическое единство звучания и смысла. Используя богатые возможности философии своего времени (в первую очередь философию И.Канта), Гумбольдт преодолевает её ограниченность, находя иные, отличные от Г.В.Ф. Гегеля пути решения феноменологических проблем.

3. Одной из наиболее значимых черт лингвистической теории Гумбольдта было то, что он считал невозможным поставить слово в один ряд с другими знаками: значимые единицы языка по своему происхождению не произвольны, слово занимает промежуточную позицию между знаком и образом. В определенной ситуации слово может выполнять знаковые функции, однако сведение слова к знаку равнозначно экологической катастрофе в области языковой коммуникации. Уже в XX в. о возможности подобной катастрофы предупредил Дж. Оруэлл в своей антиутопии. В то же время реальность оказалась более сложной: примитивизация языка происходит в сфере массовой коммуникации внешне без принуждения и насилия, которых боялся Оруэлл, однако конечный результат её столь же губителен для языка, что и в случае «новояза». В связи с этим гуманистический потенциал наследия В. Гумбольдта как никогда актуален.

Гумбольдтианская трактовка языка как деятельности характеризуется такими понятиями, как субъект деятельности (народ, человек, род людей, дух, сила, язык, звук, языковой смысл), задача, цель, средство, способ, продукт, материал деятельности. С деятельностной трактовкой у Гумбольдта связано понятие предназначения (функций) языка, среди которых он выделяет функцию транспонирования (перевод предметов мира в предметы сознания, иначе - это когнитивная функция), коммуникативную, посредническую (быть посредником между человеком и природой), функцию языка как средства понимания и т.д.

Для концепции Гумбольдта характерен дедуктивно-иерархический принцип её развертывания, который в значительной степени определяет структуризацию языка. Гумбольдта отличает внутренний дедуктивизм (т.е. способ теоретического развертывания), не находящий прямых соответствий в технике оформления его рассуждений (внешний дедуктивизм). Иерархизм базируется на идее многоуровневой реальности, в равной мере доступной постижению и, соответственно, описанию.

Как видно, взгляды Гумбольдта обнаруживают тесную связь с формальными основами кантовской системы, в частности с построениями «Критики разума» И.Канта.

Существенно поэтому отметить учение Канта о познании. Кант выделяет три основных формы познания: 1) чувственность, 2) рассудок и 3) разум. Чувственность - это способность ощущений; рассудок - способность понятий и суждений; разум - способность умозаключений, доходящих до «идей». Особенно Кант выделяет априорные суждения. Немаловажно определение Кантом «категорий», которые оказываются априорными понятиями рассудка, независимыми от доставляемого опытом содержания. По Канту, разнообразие чувственных созерцаний превращается посредством априорных форм рассудка в единство. Единство самосознания предшествует соединению чувственных созерцаний, то есть априорно.

Подобным путем идет и Гумбольдт, который рассматривает сознание как особое начало, не зависимое от объективно существующей материальной природы. Гумбольдт стремится установить, каким образом разнообразие языковых фактов с помощью априорных форм рассудка создает единство отдельных языков и единство общечеловеческого языка. Он устанавливает факт существования «внутренней формы», в отличие от «внешней формы», и различает в ней моменты: образный и конструктивный.

В понятие внешней формы Гумбольдт вкладывает тройное содержание: 1) с одной стороны, внутренняя форма - это способ соединения понятия со звуком, способ объективации мысли в языке, то есть это, по существу, модели связей категорий сознания с категориями языка; 2) с другой стороны, внутренняя форма - это выражение народного духа, который выражается во внутренней форме и затем уже реализуется в языке. Следовательно, это как бы посредствующее звено между сознанием и языком; 3) наконец, внутренняя форма языка - это совокупность всего того, что создано и отработано речью, всех основных языковых структур, всех элементов языка в их совокупности и системе, это абстрактная структура языка в целом, моделирующее устройство.

Таким образом, намечается параллель: речь - язык: внешняя форма - внутренняя форма.

2.3 К становлению теории исторического развития языка

В становлении современной общелингвистической теории традиционное место отводится проблеме исторического развития языка. у её истоков стояли такие выдающиеся лингвисты, как Якоб Гримм, Шарль Балли, Гюстав Гийом и другие, создавшие оригинальные концепции. Рассмотрим вкратце их основные положения.

Лингвистическая концепция Якоба Гримма (1785 - 1863)

Вначале Гримм считал, что историческое значение языка является деградацией, но со временем он постепенно отходил от такого представления. При этом одновременно он перестал связывать богатство

выразительных возможностей языка с развитостью флексии. К середине XIX в. Гримм разработал концепцию исторического развития языка как его совершенствования. Согласно этой концепции язык проходит три стадии развития:

- 1) создание корнеслова,
- 2) развитие флексии,
- 3) замена флексии другими выразительными средствами.

Однако при этом для Гримма всегда был основополагающим диахронический подход. К проблемам синхронии можно было подходить, по его мнению, только после основательного диахронического исследования.

Язык является, по Гримму, отражением народного духа, и поэтому состояние языка (расцвет и деградация) отражает состояние национальной культуры. Гримм требовал, чтобы сравнительно-историческое языкознание занималось не только формой, но и содержанием слов.

Литературный язык является, по мнению Гримма, средством культурного развития. Он формируется на базе одного из диалектов, выдвинувшегося в культурном развитии. Решающая роль в формировании развитии литературного языка принадлежит писателям и поэтам. В этом вопросе на взглядах Гримма отразилась романтическая концепция поэзии как наиболее совершенной формы существования языка.

Взгляды Гримма на генезис человеческого языка весьма смелыми для его времени. Все существовавшие в языке исключения Гримм считал отзвуками старых или предвестниками новых правил. Он бесспорно отдавал себе отчет в системности построения единиц речи. движение «духа» языка прослеживается у Гримма на базе истории, не смешивая при понятия «история» и «развития».

Лингвистическая концепция Гримма сформировалась на почве прогрессивного понимания феноменологии речевого общения и характеризовалась глобальностью охвата лексического фонда с его грамматическими показателями. Эта глобальность была проникнута историчностью и основывалась на полном систематическом учете всех социально-функциональных сторон состава лексики.

В концепции Гримма филология представляет собой грамматику и словарь, с одной стороны, и знание текста – с другой. И то, и другое должно быть представлено не как нормативное знание, а как изучение прецедентов, как историческое знание. Именно трудами Гримма начинается перестройка парадигмы филологической науки. Создавая концепцию литературного процесса, Гримм обращает внимание не на изобретение речи, а на речь как данность. Новаторство Гримма состоит в смене методологии языковедческого исследования и в формировании сравнительно-исторического подхода к изучению и описанию языка.

Лингвистическая концепция Шарля Балли (1865 - 1947).

Наиболее существенным для лингвистической (или типологической) теории Балли является то, что она стремится ввести общее основания для описания типичных черт лексического, грамматического и фонетического

уровней языка. Таким общим основанием оказывается принцип прогрессивной последовательности, который может объяснить, согласно Балли, организацию любого уровня языковой структуры.

Практическая реализация принципа оказалась не бесспорной. Если для описания предложения понятие прогрессивной последовательности достаточно эффективно, то для описания структуры слова и слога оно пригодно мало. Элементы слова не могут «развёртывать» его смысл так же, как элементы предложения.

Выяды типологии Балли и морфологической типологии несовместимы. В обеих используются понятия «аналитический» и «синтетический», но содержание этих понятий различно. Традиционная морфологическая типология исходит из плана выражения, в то время как Балли учитывает и план выражения, и план содержания. Поэтому наличие во французском языке большого числа коротких слов свидетельствует, согласно Балли, о стремлении этого языка к синтетизму. В то же время Балли указывает на существовании во французском языке и тенденции к аналитизму. В обоих случаях он ссылается на одни и те же факты, но в первом случае они трактуются с точки зрения плана содержания, а во втором - плана выражения. Осуществленная Балли оценка соотношения аналитизма и синтетизма во французском языке обусловлена отказом признать слово реально существующей единицей языка. Вопрос об автономности слова подменяется вопросом автономности семантемы. В результате сжатие из фонетического явления превращается в синтаксическое.

Важное место в концепции Балли занимает изучение речи аффективного фактора в языке. Согласно Балли, выражение аффективного фактора в языке преследует две основные цели: 1) выражение чувств, эмоций, настроения говорящего и субъективной оценки определенной информации; 2) использование соответствующих языковых средств для воздействия на другого или других участников акта коммуникации. Тем самым следует подчеркнуть заслугу Балли в постановке вопроса о языке как средстве воздействия. Мысли Балли о возможности использовать язык как средство воздействия приобретают актуальность в связи с возрастающим в настоящее время интересом к этой важной проблеме.

Главенствующее место Балли отводил аффективному фактору, хотя он и не отрицал взаимосвязи интеллектуального и аффективного, что привело его к чрезмерному расширению сферы действия аффективного фактора в языке.

В своем учении о соотношении интеллектуального и аффективного в языке Балли исходил из неправомерного (восходящего к классическому психологическому направлению) положения о наличии нескольких сфер сознания и возможности их раздельного выражения в языке. Раздвоение мышления на интеллектуальное и аффективное привело Балли к прямолинейному перенесению этого деления на онтологические свойства самого объекта – выделению «интеллектуального» и «аффективного» языка.

Учение Балли о аффиктивной стороне языка дает яркое представление о той важной роли, которую играет в языке экспрессивность. Балли подошёл к вопросу о роли аффиктивного фактора в языке эффе́ктивности. Балли подошёл к вопросу о роли аффиктивного фактора в языке с социологической точки зрения. Такой подход для того времени был принципиально новым и привел учёного к созданию новой лингвистической дисциплины – стилистики, которая оказала чрезвычайно плодотворное влияние на исследования языка.

Лингвистическая концепция Гюстава Гийома (1883-1960) (Франция)

Центральными проблемами лингвистической теории Гийома является отношение языка и мышления и отношение языка и речи

Исходное положение теории Гийома, определившее его исследовательский метод, состоит в том, что язык – это средство выражения системы понятий, возникших из взаимодействия человека с реальной действительностью. Эти понятия обобщены, классифицированы и систематизированы сознанием, пребывающем в нем в виде системы (совокупности подсистем), имеющей одинаковое обозначение.

Рассматривая отношения языка и речи, Гийом считал, что между абстрактной системой языка и системой конкретных форм, употребляемых в речи, нет знака равенства. Речи предшествует мыслительный акт образования понятия, за которым сразу же следует семологический акт выбора конкретных речевых средств для высказывания. Соответственно задаче построения системы языка и претворения языка в речь Гийом делит лингвистику на три раздела: 1) психосемантика; 2) психомеханика; 3) психосемиология.

Исследовательский метод Гийома – индуктивно-дедуктивный: исходный момент анализа – речевой акт. От него индуктивный путь к теоретическому обобщению и возвращение обратно к факту речи для проверки правильности теоретического построения и для объяснения наблюдаемых фактов.

С точки зрения методологии для Гийома характерно:

- 1) представление о связи и взаимозависимости мышления и языка;
- 2) понимание языка как динамического явления.

Понимание Гийомом динамизма языка существенно отличается от динамизма в представлении, например Хомского.

Теория Гийома противоположна структурализму, так как опирается прежде всего на непосредственные связи языка и мысли. Теория, определяющая язык как средство выполнения важной социальной функции, призвана служить общению между людьми, но в первую очередь она должна быть орудием познания человека окружающего его реального мира, свидетельствуя о материалистической позиции её создателя.

Учение Гийома представляет большой интерес и значительно продвигает науку о языке. Это первая попытка осуществить построение абстрактных языковых подсистем, которые в совокупности представляют систему языка. о жизненности и научной перспективности концепции

Гийома свидетельствует всё более распространяющиеся влияние его воззрений.

Таким образом, в теории исторического развития языка всё большее место отводится такой проблематике, как: создание корнеслова и развитие флексии, актуализация выразительных средств, сравнительное сопоставление формы и содержания слов, культурная подоснова языка (Яков Гримм), поиск типических черт лексико-грамматического и фонетического уровней языка, принцип прогрессивной последовательности в организации уровней языковой структуры, аналитизм и синтетизм, соотношение слова и семантемы, взаимосвязь интеллектуального и аффективного (Шарль Балли), взаимовлияние языка и мышления /языка и речи, мыслительные акты образования понятия, семиология выбора речевых средств высказывания и динамизма языка/ (Гюстав Гийом).

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955.
2. Bojić V. Jacob Grimm und Vuk Karadžić. – München: Sager, 1977.
3. Brüder Grimm gedenken / Hrsg. von Denecke L. – Marburg: Elwert Verlag, 1990. – Bd. 9. – VIII, 215 S.
4. Guillaume G. Language et science du langage. – Paris, 1964.

ГЛАВА 3

3.1 Основные направления в развитии современной соссюринской лингвистики

В новейшей общей лингвистике прежде всего следует выделить два аспекта рассмотрения соссюринских идей: 1) семиотическую точку зрения, включающую в себя собственно лингвистическую точку зрения таким образом, что они взаимно дополняют друг друга, и 2) имплицитно содержащейся в текстах Соссюра мысли о том, что «абстрактные сущности» в виде синтаксических структур («типов» или «моделей») представляют собой второй уровень абстракции в языке по отношению к первому уровню знаков, т.е. фраз и их членов, которые в свою очередь абстрагированы от своих конкретных реализаций в речи. Так, по мнению Р.Амакера (R.Amacker, 1975), соссюринская лингвистика (Сейчас термин «соссюринский» употребляется по отношению идей самого Ф.де Соссюра, «соссюринский» - по отношению развития его идей последующими поколениями учёных, придерживающихся его теории) может быть представлена в виде строгой логически организованной системы в рамках гипотетическо-дедуктивной теории, т.е. в виде логико-математической «сильной формализации».

Термин «соссюринская лингвистика» в зависимости от угла зрения может обозначать по меньшей мере четыре разные области. В наиболее

широком смысле – это все те направления науки о языке, которые объявляют себя зависящими от учения Соссюра, т.е. практически почти вся современная общая лингвистика.

Далее этот термин обозначает идеи самого Соссюра, в большей мере почерпнутые из рукописных источников, чем из текста, представленного Ш.Балли и А.Сеше в 1916 г. . В этом (уже третьем) плане «соссюрианская лингвистика» предстает в виде филологической интерпретации разрозненных документов.

И наконец, четвертое определение может покрывать совокупность исследований в рамках теории произвольности, обоснованной семиотическим характером языка.

Важное направление соссюрианской лингвистики – это изучение семиологической перспективы и теории знака. Оно начинается с определения основ соссюрианской лингвистики. Прежде всего подчеркивается, что Соссюр настаивал на важности изучения всего того, что связано с человеческой речью (*langage*) и её проявлениями. В этом плане лингвистика должна прежде всего формализовать себя (в слабом смысле) и определить свои эпистемологические предпосылки, а затем переходить к синхроническому и диахроническому изучению естественных языков и универсальных черт языка.

В качестве предмета (*l'objet*) лингвистики называется обычно всё, относящееся как к внутренней, так и к внешней лингвистике, и особо оговаривается, что глубоко ошибались те, кто принимал в качестве знамени последнюю фразу книги о том, что единственным и истинным предметом лингвистики является язык, рассмотренный в самом себе и для себя.

Так, по мнению Амакера, на первое место в определении языка следует ставить чисто семиологический подход как к форме, а не как к субстанции, не забывая при этом ни социального характера языка, ни философских оснований теории, ни того, что усвоение и функционирование лингвистического механизма покоятся на диалекте отношений между языком и речью, направляемой языковой способностью.

Следующее направление посвящается соссюровским дихотомиям, которые в целом определяются, как теоремы, доказуемые на основе принципа произвольности как главной аксиомы, созданной Соссюром теории.

Первой, как правило, разбирается дихотомия «способность и учреждение» («*faculté et institution*»), так как она логически предшествует остальным, поскольку позволяет показать универсальные черты языка, определяемые биологической стороной, и выявить социальный характер языковой способности.

Далее обычно рассматриваются «синхрония и диахрония», «форма и субстанция», «язык и речь».

Особое внимание уделяется трактованию дихотомии «означающее и означаемое», рассмотрение которой начинается с представления дихотомии «выражение и содержание»: означающее определяется как класс звуков (план

выражения), а означаемое – как класс смыслов (план содержания), соотносимых с конкретными реализациями в речи, т.е. на основе диалектики соотношения языка и речи.

Актуализируется в соссюрианской лингвистике и идея семиологической модели языка в ракурсе радикальной произвольности. Причём считается, что произвольность является ключом к соссюрианской лингвистике. Вместе с тем здесь не обошлось и без полемики. К примеру, Амакер настаивает на том, что издатели «Курса общей лингвистики» исказили идею Соссюра, который говорил: «Связь, объединяющая означаемое и означающее, в корне своём произвольна» (F.de Saussure, 1916, с. 10) – (*est radicalement arbitraire*), и под словами «в корне своём» следует понимать не природу вещей или звуков, а то, что эта связь коренится в знании, основанном на общественной практике и передаваемом исторически. На основе произвольности трактуется и относительный характер ценности (значимости) языковых знаков. Правда, в русском переводе, отражающем французский оригинал, нет слов «в корне своём» (см. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М., 1933, с.79).

В настоящее время курс семиологическая модель языка понимается как единство соссюровских дихотомий, среди которых определения языка как «социального продукта» и как «кода», т.е. как системы, не являются противоречащими друг другу, а объединёнными на основе радикальной произвольности вследствие того, что язык как учреждение включает в свои пределы определение языка как системы. При этом показывается соотношение эпистемиологических понятий (структура, генезис, взаимодействие субъекта и объекта, созидательность) с семиологическими (языковая способность, установление разных знаковых систем, общение, распространение знаковых систем) и лингвистическими (язык как система, навязываемая индивиду, обучение языку, социальное взаимодействие как принудительный регулятор использования языка, созидательность речи и языка). В данной семиологической модели рассматриваются обычно универсальные черты: в речи – субстанциональные (звуковые – в плане выражения и психические – в плане содержания), в языке вообще (*langage*) – зависящие от нашей способности (семиотической), а в языках, поскольку они произвольны, их нет, если не считать того, что каждый язык представляет собой особую систему знаков.

Язык как синхроническая произвольная система – традиционная проблематика для современной соссюрианской лингвистики. Как правило, изучение языка в таком ракурсе начинается с рассмотрения произвольных систем, среди которых язык выделяется как всеобъемлющая (*omnipotent*) система, характеризующаяся эластичностью использования единиц, прежде всего лексических. Все прочие формальные системы (включая логико-математические) подчинены языку как всеобъемлющей системе, так как именно естественный язык выступает в качестве единственного метаязыка для прочих систем и для себя самого.

Проблематика «Собственно лингвистическая перспектива и анализ знака» начинается в современных исследованиях с рассмотрения «второго принципа» лингвистических единиц. При этом стремятся показать, что Соссюр, отправляясь от интуитивного понятия «слово» последовательно шёл к определению «конкретной единицы», т.е. такой, какой она представляется в сознании говорящих субъектов, сначала как отграничение означающих, а затем как суждение о тождестве произносимого в плане содержания. Здесь, кстати, Амакер называет парадоксом то, что единицы системы должны быть выражены линейно, и характеризует линейность как принцип, отличающий язык от прочих произвольных семиотических систем.

Актуален анализ ассоциаций и синтагм, ибо проблема отнесения синтагм к языку или к речи может составить основу для соссюровского синтаксиса, так как, с одной стороны, раскрывается роль воли говорящего при конструировании синтагм, а с другой – выявляется разница между синтагмами *in praesentia* и синтагмами как типами, т.е. как абстрактными моделями.

Двойственный характер отношения «ассоциации - синтагмы» позволяет поднять вопрос о сложных единицах (фразах и словах) и их расчленении на подединицы при помощи механизма, который соединяет эти две сферы, точнее, рассекает синтагмы при помощи ассоциативных групп. Разумеется, надо иметь в виду, что лингвистический механизм произволен, т.е. не логически построен, а создан случайностью истории, хотя и покоится на универсальном свойстве языка как системы. Обычно на основании действия лингвистического механизма выделяются сегментные единицы, за которыми стоят абстрактные ассоциативные единицы, группирующиеся вокруг первых.

Весьма важна для соссюрианства проблема языка как системы членов и ценностей (значимостей - *valeurs*). Так, Амакер показывает двойственный характер языковой ценности и отмечает, что для члена системы она является тем же, чем означаемое – для знака, такое распределение представляет собой результат превосходства содержания над выражением: означаемые разрезают звуковую субстанцию на сосуществующие члены, наделённые ценностью.

Описываются четыре характерные черты, которые были установлены Соссюром для языковых единиц: произвольность, дифференциальность, оппозитивность и индифферентность к средству конкретного их производства. Эти черты, рассматриваемые в семиологическом плане, устанавливаются для каждого языка с учётом фактора времени и исторического развития, что отличает радикальную произвольность языка от произвольности логико-математических систем.

Много внимания уделяется сейчас проблемам соссюрианского синтаксиса. Прежде всего это анализ «сигнификативного параллелизма», т.е. отношений равенства «семантических расстояний» (термин Годеля) в чередованиях типа: *plaire – plu, take-took, Nacht – Nächte* и в супплетивных формах, поскольку эти случаи требуют расширения понятия языкового механизма из-за невозможности применить анализ по синтагмам. Это

подводит к проблеме соотношения лексики и грамматики и позволяет противопоставить их на основе закрытых и открытых рядов ценностей, соответственно представленных каждой областью.

Психологически и семантически лексические ценности более важны, но грамматические ценности являются главенствующими логически, так как могут выступать самостоятельно (служебные слова и т.п.) и только они «целиком оппозитивны», т.е. являются носителями различительных признаков (*traits pertinants*).

Вышеотмеченный подход позволяет выделить «абстрактные единицы синтаксиса». Синтаксические же сущности абстрагированы двояким образом: от конкретных актов речи и от знаков языка, поскольку синтаксис устанавливает и изучает отношения последних. Содержание абстрактной синтаксической единицы называют «синтаксической ценностью» (*valeur syntaxique*) на том основании, что ей присущи все черты единиц языка, в том числе и произвольность. Иерархия же в построении фраз предполагает процедуру включения (*emboîtement*) одних абстрактных сущностей в другие, отличающуюся от наложения лексических и грамматических ценностей на словесную форму (F.de Saussure, 1968, с. 80-82).

Значительное место отводится в соссюрианской лингвистике языковой аналогии и созидательности (*créativité*) в концепции Соссюра, который рассматривает аналогию как фактор не изменения в истории языка, а созидания единиц на определённом этапе, т.е. состоянии этого языка. Как феномен созидательный аналогия определяется психологически, а как феномен грамматический она выступает в виде неотъемлемой части синхронизма языковой системы и её потенциальной созидательности. Таким образом, аналогия как источник эволюции, заложенный в языковом состоянии, рассматривается на пересечении синхронии с диахронией и языка (*langue*) с тем, что является внешним по отношению к нему. Данный подход позволяет понять, почему фраза как произведение индивида является вместе с тем и знаком языка, правда, сложным и свободно образуемым; аналогия определяет бесконечные возможности созидательного аппарата языка.

Говоря о соссюрианской модели синтаксического описания, следует отметить, что Соссюр сам не создал такой модели, но, продолжая его идеи, этот аспект лингвистической теории развивал Р.Годель (1957). Соссюровская модель может быть определена как модель «ценности и комбинации» (*valeurs et combinaisons*), синтаксическая часть которой учитывает то, что типы синтагм имеют семантический аспект, позволяющий предположить наличие синтаксических ценностей, которые, если они существуют, должны содержать в себе ассоциативные отношения как базу отношений транспозиции и трансформации без каких-либо психологических импликаций.

В целом, современная соссюрианская лингвистика следует пути Соссюра от семиологии к синтаксису и общим перспектив. В его каноническом тексте «Курса общей лингвистики» представлены в разрозненном, а то и искажённом виде семиологические идеи, а во вновь

опубликованных материалах проявляются его идеи в области синтаксиса, опирающиеся на принцип линейности знака и теорию синтагм. Именно эти два измерения: семиологическое и синтаксическое характерны для соссюрианской лингвистики.

Соссюр поставил проблему объекта лингвистики, которая с точки зрения соотношения языка и речи даёт основания говорить об этом объекте: 1) в его противопоставлении объектам других наук, 2) в «объективном» смысле задач лингвистики, 3) в более фундаментальном смысле языковых данностей, и, наконец, 4) во фрейдовском смысле того, что «заложено» в субъекте (последнее, возможно, является основой всего предыдущего). При этом важен исторический подход к проблеме соотношения языка и речи, она определяется как базовая, дающая ход к осмыслению прочих соссюровских идей. В частности, это выделение языка (*langue*) из речевой деятельности (*langage*) на основе философской апории «единство-различие». Новый семиологический подход (с точки зрения значащей системы) выступает в словах Соссюра психологизированным и социологизированным.

В современной лингвистике: а) синхрония принимается со значительными уточнениями структуралистами и функционалистами (Ельмслев, Мартине); б) противопоставление синхронии и диахронии снимается представителями Пражской школы, но оба тезиса подводят к проблеме происхождения языка, которая пока остаётся открытой.

Успешно решается в современной соссюрианской лингвистике проблема языка как социального установления (*langue-institution*). Она прямо связана со старой философской проблемой необходимости и свободы, ведёт к проблеме происхождения языка (и шире - человека), которая не могла быть решена в дососсюровскую эпоху, когда не различались уровни языка, то есть области социального принуждения, и речи, то есть области индивидуальной свободы и воли. Сам Соссюр рассматривает социальную природу языка как внутреннюю черту через его семиотический характер и ни в «Курсе общей лингвистики», ни в рукописях не затрагивает социальный статус языка как таковой.

Объекты, подлежащие семиологическому изучению, обладают, по Соссюру, следующими признаками. Во-первых, они имеют знаковый характер. Знаки должны быть произвольными, их употребление конвенционально. Знаки составляют систему, их значимость определяется на основе оппозиций. Каждый семиологический знак занимает определённое место на парадигматической и синтагматической оси. Семиологические системы постоянно подвергаются изменению. Соссюр полагал также, что при афазии нарушается, с. 10-11 способность оперировать всеми семиологическими знаками.

Таким образом, семиологические системы сочетают характерные признаки семиотических систем (знаковый характер единиц) и социальных институций (произвольность, конвенциональность, изменчивость). Поэтому сфера семиологии оказывается уже сферы семиотики (семиотика изучает и индексы, т.е. знаки неискусственные). Также не все социальные институции

подлежат семиологическому рассмотрению, а только те, которые состоят из знаковых единиц (E.Roulet, 1975).

Соссюр отмечал особую важность языка в ряду других семиологических систем. Языковые знаки в высшей степени произвольны; языком владеют все члены социальной общности, объединяемой этим языком; язык нельзя изменить по желанию одного человека и группы людей; язык обладает способностью создавать из ограниченного набора единиц неограниченное число высказываний. Наряду с системами первого порядка (язык, язык жестов) существуют системы второго порядка (письмо, морские сигналы) и третьего порядка (азбука Морзе, шифры).

Соссюр относил, как это следует из его записей о германских легендах, к семиологическим системам и фольклор. Тем самым Соссюр не проводил жёсткой границы между утилитарными и эстетическими системами.

Можно назвать три направления в изучении проблем соссюровской лингвистики: 1) восстановление идей самого Соссюра, 2) анализ «Курса общей лингвистики», 3) интерпретация соссюровских тем – язык/речь, синхрония/диахрония и т.д.

Основоположниками первого направления явились Ш.Балли и А.Сеше. Задача их была не из лёгких, и они, по мнению Годеля (1957), не всегда удачно справились с нею. Так, вместо авторского заглавия первой главы первой части «Язык как система знаков», в которой лингвистика рассматривалась как часть семиологии, они ввели заглавие «Природа лингвистического знака», а связь лингвистики и семиологии перенесли во «Введение (гл. III, § 2)»; кроме того, этот материал был более подробно представлен в курсе, прочитанном Соссюром в 1908/1909 г., тогда как издатели представили текст на основе курса 1910/1911 г. (R.Engler, 1968, с. 14-15).

Следует подчеркнуть новизну соссюровской идеи ограничения произвольности, поскольку при её трактовке оказались противопоставленными два принципа, которые до этого рассматривались лишь порознь: семиологический и грамматический, первый связывается с произвольностью знака, а второй – с взаимообусловленностью членов. В связи с последним Годель разбирает рассмотрение Соссюром образований по аналогии не просто как изменений в результате действия психических процессов, а как осознания говорящими тех отношений между формами, которые используются в речи – дискурсивный порядок, и которые существуют в сознании – интуитивный порядок. Обращается особое внимание на то, что упоминание дискурсивного порядка, как во фразе, так и в слове, свидетельствует об интересе Соссюра к синтаксису, хотя во многих интерпретациях его концепции грамматики трактовались лишь как морфология.

Годель разбирает поставленный самим Соссюром вопрос: не противоречат ли друг другу принципы произвольности членов системы, поскольку последний ограничивает действие первого. По мнению Годеля, Соссюр в лекциях не уточнил, в чём же субъективное разбиение слова на

значимые составные части подчиняется ощущению ассоциативных отношений, хотя он неоднократно подчеркивал их связь и, тем более, показывал, что образование слов подчиняется аналогии, как силе, действующей в статике.

Годель высказывает ряд соображений в пользу того, что абсолютная произвольность языкового знака противоречит рассмотрению языков как систем, все члены которых взаимообусловлены. Для того, чтобы выявить абсолютную произвольность связи означающего и означаемого (звуковой материал и мысли), можно абстрагироваться от системы, а знак, следовательно, перестанет быть ценностью (значимостью). Противопоставляя свою точку зрения идее Ш.Балли, Годель подчёркивает, что внутри знака не может быть его мотивировки, а ограничение произвольности зависит от ассоциативного и синтагматического окружения. По мнению Годеля, именно в этом простом смысле и надо понимать «первый принцип», как свойство не только языка, но и других семиологических систем. Эти заключения важны не только для синхронии, но также и для диахронии.

С течением времени меняется оценка роли, которую сыграл в истории науки тот или другой её деятель; связывая имя Ф.де Соссюра с крупным вкладом в теорию языка и с основанием общего учения о знаковых системах, его сравнивают с такими учёными, как Коперник и Дарвин. На основе учения Соссюра возник структурализм, а позже и другие разновидности структурализма, отличные от соссюровского. Соссюр был индоевропеистом со склонностью к изучению латыни, греческого и германских языков, романистика же лежала вне области его научных интересов, но будучи женецем, он демонстрировал свою теорию прежде всего на французских примерах, а также вводил французские термины для новых понятий.

Соссюр подчеркивал роль романских языков в становлении индоевропеистики, поскольку на них было продемонстрировано наличие праязыка, а также выделял заслуги французских учёных в развитии науки о языке.

Для Соссюра общеязыковедческий подход всегда основывался на конкретном языковом материале, почерпнутом прежде всего из романистики, и сам он обращался к трудам Г.Париса, П.Мейера, П.Авэ, обсуждая возможности изучения диалектов (материал, который был несправедливо внесен издателями «Курса» в приложение).

По подходу к анализу языкового материала Соссюра можно поставить между младограмматиками и французским позитивизмом. Внимание к синхронии, к анализу живого языка, используемого говорящими, перекликается с современным требованием обращаться к разговорной речи, к реальному тексту (Ф.де Соссюр, 1990, с. 18-20).

Соссюр дал романистике теоретический инструмент для понимания и упорядочения фактов, т.е. эпистемологию.

Литература

1. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М., 1933.
2. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Пер. с фр. Нарумова Б.П. – Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Слюсаревой Н.А. – М.: Прогресс, 1990. – 275 с.
3. Amacker R. Linguistique saussurienne. – Genève: Libr. Droz, 1975. /3/, 245p. (Langue a cultures. 6).
4. Engler R. Lexique de la terminologie saussurienne. Utrecht – Anvers, 1968.
5. Godel R. Les sources manuscrites du “Cours de linguistique générale” de F. De Saussure. – Paris, 1957.
6. Roulet E. F. de Saussure: “Cours de linguistique générale”. – Paris: Hatier, 1975. – 96 p.
7. Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Ed. crit par R. Engler. – Wiesbaden, 1968.
8. Saussure F. de. Cours de linguistique générale. – Paris, 1916. – 331 p.

Основы лингвистической концепции Романа Jakobson

Лингвистические идеи Р.Якобсона (1896-1982) на всём протяжении его научной деятельности основывались на традициях русской лингвистической науки и в дальнейшем обогащались из того же источника. Лингвистическая теория Якобсона, отличающаяся цельностью и законченностью, оказывала и продолжает оказывать влияние на разные лингвистические течения.

При рассмотрении общих принципов систематизации основ лингвистической концепции Романа Осиповича Якобсона следует уделить внимание определению учёного места языка среди других явлений и, соответственно, предмета науки о языке.

Язык является структурированной, относительно автономной сущностью, которая, с одной стороны, существует в себе и для себя, а с другой – входит в более широкую сферу человеческих способностей и характеристик.

Принцип относительной автономии предполагает интеграцию с областями родственных наук, но одновременно отрицает редукционизм, сведение лингвистических явлений к психологическим, биологическим, логическим или каким-либо другим явлениям. Между различными смежными сферами лингвистической деятельности существует значительная близость, но нет изоморфизма. Принцип относительной автономности распространяется также на различные уровни языка, существуют значительные различия в способе структуризации на фонологическом, морфологическом, словесном и синтаксическом уровнях. Язык характеризуется набором автономий (динамика – статика, диахрония – синхрония, архаизм – инновация, эллипсис – эксплицитность, метафоричность – метаномичность, последовательное применение –

конкуренция и т.д.), причем члены антиномических пар также обладают относительной автономностью.

В концепции Якобсона выделяется межличностная и внутриличностная коммуникация как основная определяющая функция языка. Единицы языка всегда имеют цель, предназначение, равным образом изменения языка всегда обладают целенаправленностью, и эта цель может и должна быть установлена исследователем. В частности, такой целью может быть восстановление равновесия системы.

Подчеркивается, что язык в целом всегда выполняет свою функцию, однако его подсистемы могут обладать лишь относительной эффективностью, например не быть максимально экономными. Экономность в одной подсистеме может предполагать её нарушение в другой, и развитие языка непрерывно поддерживает динамическое равновесие.

Теория развития языка рассматривается Якобсоном в ракурсе статики и динамики, которые устанавливаются как в синхронии, так и в диахронии. Изменение является фактом как синхронным, так и диахронным. Лингвистическое изменение является фактом реструктуризации, изменения кода и требует установления начальной и конечной системы, а также уровня, на котором проходит изменение. В развитии язык обладает свойством изменчивости. Изменения указывают на то, какие именно явления имеют будущее в языке, т.е. продуктивны. Важнейшим свойством языка является заключенное в нём творческое начало, созидательность (creativity). Параметр времени, внутренне присущ язык, неразрывно связан с пространственным варьированием языка.

Якобсон подчеркивает нематериальный характер языка – ни язык в целом, ни какая-либо его подсистема не являются материальной сущностью. Из этого положения вытекают телеологические отношения между кодом и сообщением. Сообщение является самодовлеющим, единственным и неповторимым актом речи, а код – системой, которая лежит в основе сообщений. Код всегда состоит из субкодов, которые также отвечают принципу относительной автономии.

Антиномия «код/сообщение» не совпадает с противопоставлением социального/индивидуального, например у Ф. де Соссюра. Индивидуумы имеют свои субкоды, а сообщения отражают различные степени социализации. Границей вариативности сообщений является код.

Отношения кода и сообщения бывают четырёх видов: 1) сообщение о сообщении (цитаты, изложение), 2) код кода (имена собственные), 3) сообщение о коде (металингвистическое употребление языка), 4) код, отнесенный к сообщению (случай, когда код непонятен без знания исходного ключа - сообщения).

К последней категории относятся так называемые знаки – переключатели (шифтеры), дейктические символы в терминологии Пирса. Шифтеры особенно важны для категоризации языка по шести компонентам акта речи: говорящий, адресат речи, контекст, сообщение, контакт и код, на основании которых соответственно выделяется шесть функций языка:

эмотивная, конативная (conative), референциальная, поэтическая, фактическая и металингвистическая.

Под влиянием идей Ф. де Соссюра Якобсон интересовался факторами, влияющими на различное произношение звуков (на уровне речи), и предложил обращать основное внимание на коммуникативную функцию языка. В частности, что сущность фонемы – это её смысловоразличительная функция; выработка основных понятий современной фонологии – важная заслуга Якобсона. По Якобсону, существенной стороной лингвистической концепции говорящего является его знание фонологической системы родного языка, совокупности фонем этого языка. языковое изменение, по Якобсону, – это в первую очередь изменение состава фонем (тогда как для Ф. де Соссюра изменение было фактом речи).

С позицией Якобсона фонетическая субстанция языка не может быть подвергнута анализу вне соотнесения со значением, т.е. без учёта её функции.

При этом развивается та же мысль по отношению к значению. Значение (сигнатур) не выступает в какой-либо связи как материальная сущность. В этом смысле дихотомия сигнатур/денотат неправомерна.

Как значение, так и звуки в языке имеют «генерический» характер, т.е. являются не индивидуальными явлениями, а классами (генус – «класс»). Всякий знак языка имеет общее значение, охватывающее ряд, класс своих смысловых реализаций. Равным образом фонема – класс позиционных вариантов. Дальнейшая спецификация класса определяется контекстом и задана лингвистическим кодом. Эти положения относятся ко всем знакам, включая «шифтеры», а также имена собственные. Спецификация классов – единиц языка происходит в процессе их применения, в основе которого лежит антиномия «селекции/комбинации» или родственная антиномия «сходства/смежности». Комбинация знаков создаёт контекст, а объединение лингвистических единиц всегда создаёт единицу более высокого ранга (контекст в широком смысле). Связи явлений на оси селекции и оси комбинации регулируются поэтической функцией языка.

При анализе специфических особенностей языковой структуры рассматривается понятие знака, которое определяется тремя принципами: тесной связью обозначаемого и обозначающего (сигнатур – сигнас), которые оба имеют характер классов (имеют генерический характер); связь двух сторон знака определяется как структурирование области обозначаемых воздействием обозначающих с возникновением обратной связи: сигнатур структурируется под воздействием сигнаса.

Знак языка является элементом его структуры, т.е. единицей языка, ведущим понятием при определении которой выступает понятие отношения. Совокупность лингвистических отношений определяет единицу, а не наоборот. Понятие отношения конкретизируется как оппозиция; элементы, выступающие в оппозицию, порождают друг друга, предполагают друг друга, причём члены оппозиции подчиняются принципу бинаризма – противопоставляемые элементы всегда возникают попарно, вступая в

отношения маркированности – немаркированности. Отношения знаков накладывают ограничения на принцип произвольности знака. В этом вопросе Jakobson от Ф. де Соссюра отличает концепция ограниченной произвольности знака; произвольность знака ограничивается как явлениями ономотопеи и морфемного ассонанса, так и прежде всего тем, что с внутрисистемной точки зрения связь двух сторон знака необходима, хотя и конвенционализирована. Всё это приводит к широкому распространению в языке изобразительности знака (иконичности).

В раскрытии понятия системы языка большую роль играет принцип холизма: единица языка всегда объединяет в целое свои части и одновременно входит, как часть в целое, в более крупный элемент, в конечном счёте в систему языка в целом. Целое не является механической суммой своих частей, части и целое взаимно внутренне необходимы, находятся в иерархических отношениях и подчиняются общим структурным законам. Концепция холизма связана с принципом относительной инвариантности: любая единица языка во всех случаях своего применения сохраняет набор свойств, определяющих её идентичность.

Принцип инвариантности на интерлингвистическом уровне приводит к понятию универсалий, среди которых особо выделяются так называемые законы импликации, импликационные универсалии. В них, так же как и во всех случаях возникновения противопоставления инварианта-варианта, проявляется общий принцип, свойственный принцип вообще: принцип контекстуальности (context sensitivity). Контекст понимается здесь в самом широком смысле: окружение – для фонемы или морфемы, ситуация общения – для знака, система конкретного языка – для импликационной универсалии.

В Jakobsonовской теории уделяется внимание и дифференциальным признакам. При этом выделяется проблема иерархии маркированных и немаркированных членов. Маркированные члены вторичны, по Jakobsonу, по отношению к немаркированным, что, в частности выражается в том, что немаркированные категории предшествуют маркированным в онтогенетическом развитии в детской речи.

Jakobson оказал влияние на развитие многих областей лингвистики в США. В особенности важны были его идеи относительно функционального контраста, различительных признаков, маркированности, пространственного измерения фонологических систем и недискретных иерархических уровней организации языка. в частности, большой отклик у американских лингвистов получил анализ по различительным признакам благодаря его связи с эмпирическим изучением физических манифестаций звука – область, которой в США много занимались. Идеи Jakobsonа произвели революцию в американской лингвистике; так, его фонология была ударом по таксономической фонемике необлумфильдианцев. Исследования в области этнологии, мифологии и др. получили ориентацию на изучение семантики; образцом послужили фонологический метод и семиологические интересы Jakobsonа. В этом отношении работы повлияли на изучение языков и традиционных фольклорных текстов американских индейцев и на

антропологические исследования. Отмечается также важность для американской науки работ Jakobson в области детской речи, афазии, общих звуковых законов.

Существенное место занимают идеи Jakobson в генеративной грамматике. влияние это в некоторых случаях было прямым, в других случаях косвенным (в подходе лингвистов к исследованию акустики, психолингвистики и патологии речи, которые, как показал Jakobson, тесно связаны с центральными вопросами лингвистической теории).

Подход Jakobson к глубинным формам не был принят в «стандартной» генеративной фонологии, которая отбросила любые ограничения в отношении степени абстракции глубинных форм. Впоследствии, начиная с 1960-х годов, среди фонологов-генеративистов возникает резко отрицательное отношение к чрезмерно «абстрактным» глубинным формам. В последнее время также появляются работы, показывающие, что чрезмерно абстрактные глубинные формы и правила не являются психологически реальными.

В генеративной фонологии трактовка различительных признаков фонемы, открытых Jakobsonом, оказалась совершенно отличной от трактовки в теории Соссюра.

3.3. К общелингвистической теории Адама Супруна

24 октября 1998 г. филологическая общественность мира отметила 70-летие со дня рождения выдающегося лингвиста, заведующего теоретического и славянского языкознания Белорусского университета, доктора филологических наук и доктора педагогических наук Адама Евгеньевича Супруна.

Истоки формирования учёного связаны с Центральной Азией, с Киргизией. В Бишкеке он заканчивает школу, Киргизский университет (1952 г.), аспирантуру (1955 г.) и защищает в Московском университете кандидатскую диссертацию «Слова с корнями числительными в современном русском литературном языке».

Под руководством выдающегося тюрколога академика Киргизской Академии Наук М.А. Батманова он вырастает в учёного с мировым именем, объектом исследования которого стали практически все европейские и тюркские языки. Это крупный теоретик общего языкознания. Круг его лингвистических интересов воистину неисчерпаем: текст, грамматика, лексикология, грамматико-словообразовательная организация словаря, закономерности семантико-структурных изменений в языке, механизмы

языковой эволюции, природа языков в их связях с мышлением человека и культурой народов.

Широта взглядов учёного уже на ранней стадии его развития сполна подтверждается его первыми фундаментальными трудами. В частности, это такие его книги, как "Старославянские числительные" (Фрунзе, 1961), "Полабские числительные" (Фрунзе, 1962) и докторская диссертация "Славянские числительные: Становление числительных как части речи" (Ленинградский университет, 1966), одноимённая с докторской диссертацией книга (Минск, 1969) и др. Эти труда учёного убедительно показывают его как талантливейшего системно-диахронического исследователя. А если оглянуться на вес путь профессора А.Е.Супруна, то итоги, с которыми он пришёл к своему славному 70 летию, просто поражают: 600 печатных работ, в том числе свыше 60 книг, под его научным руководством защищено 60 кандидатских и 10 докторских диссертаций.

При этом столь высокая результативность гармонично соотносится с проблемно-тематическим разнообразием его исследований. Более того, уже с конца 1960-х гг. проф. А.В.Супрун - безусловный лидер в мировом славянском сравнительно-исторической языкознании (включая этимологию и полабистику), типологическом изучении грамматики и лексики славянских и других языков, психолингвистике и лингводидактике. Эти направления развиваются им уже с 1960-х гг. не только в ракурсе сложившейся методологии традиционного языкознания, но и одним из первых в мире успешно реализует в своём творческом научном поиске подлинно новаторские идеи. А это, например, такие, как вероятное понимание языковых классов и структур, лингвистическое моделирование, вычислительно-экспериментальные подходы к языку. В итоге, под руководством А.Е.Супруна составляются ассоциативные словари белорусского, украинского, киргизского и латышского языков, были развёрнуты работы над созданием частотного словаря белорусского языка, где охватываются основные жанрово-стилистические разновидности белорусской речи.

Наряду с реализацией этой большой словарной программы (а он издаёт ещё многотомный "Этимологический словарь белорусского языка") А.Е.Супрун продолжает разработку своей концепции теоретического языкознания, о чём убедительно свидетельствуют такие его крупные труды, как "Лекции по языкознанию" (1971, 1978, 1980), "Введение а славянскую филологию" (1981, 2-е изд. 1989), "Общее языкознание" (1983, 1993-95), "Лекция по теории речевой деятельности" (1996).

Как видно, проф. А.Е.Супрун - по справедливому замечанию видного ученого-филолога из Одессы профессора Ю.А. Карпенко - "достиг выдающихся успехов в изучении разных уровней разных языков" (I, с. 109).

Ученики и коллеги Адама Евгеньевича подготовили и издали к славному юбилею профессора специальный сборник статей «Число. Язык. Текст» (I) (далее указываются стр. по этому источнику). Эти работы так или иначе соотнесены с толкованием учёным "фундаментальных закономерностей в истории человеческого сознания", с его мыслями о том, что "изучение числа

и числительных открывает самые глубокие коллизии в становлении вербального мышления, полные того стихийного и объективного драматизма, который составляет историю становления интеллекта" (с. 8).

1. "Якасны змест дэ ліку І яефэалХзацыя у лХнгв!стычных пра-цах А.Я.Супруна" - Браніслау ПлотнХкау (Шнек) (с. 9-13).

Излагаются концептуальные основы лингвистической теории числа А.Е.Супруна (См. монографию: А.Е.Супрун. Славянские числительные: Становление числительных как особой части речи.- Минск» 1969) с выходом в семантику, словообразование, морфологию, синтаксис, в разработку основ построения разножанровых словарей (например, частотных), в развитие теории языкознания на фоне всей его истории (скажем, при обобщении сущности грамматики учитываются концепции от Пашни и Аристотеля до М.В. Ломоносова, Ф.Ф.Фортунатова, А.М. Пешковского, Л.В.Щербы, В.В.Виноградова и др.),

2. "АДАМ в славянских языках" - Валерий Мокиенко (Санкт-Петербург) (с. 14-28).

Судьба имени собственного "Адам" рассматривается в русле распространения библейского именослова. Его "стойкость", "единогласие" весьма контрастны в сравнение с судьбами таких древних имен, как Иоанн, Георгий, Исаков, Илия и т.п.

Описание имени "Адам" проводится в таких параметрах, как: частотность распространения (достаточно редкая); семантическая, словообразовательная и фразеобразовательная активность; этимология имени АДАМ как основа его широкой теологической и образной интерпретации с выходом к древнееврейским, арабским и другим источникам (с объяснением первоначения от "человек" до "созданный из земли", "из персти земном"); разные религиозные толкования, например: "но мусульманским верованиям» АДАМ - не только первый человек, но и первый Божий глашатай ..., а сотворение АДАМА в Коране описывается более детально: Аллах здесь поступает как опытный ваятель-гончар; "Он взял всякой краски, которые были в глине., по горсти, смешал их в разных водах и вылепил человеческое подобие". После этого изваяние было сорок дней выставлено на солнце, чтобы приобрести подлинно человеческую кондицию" (с.16).

В итоге, устанавливается древнейший семантический акцент имени АДАМ; "первичность", "приоритетность". Ср., также в идиоме "от Адама" (с глубоко древности, с очень давних пор, издревле,).

3. "Числовая асимметрия структурных единиц звуковых и письменных языков" - Тамара А. Амирова (Москва) (с. 29-35).

Поставленная проблема рассматривается в общем ракурсе современной практической деятельности в культурно-языковом строительстве, активного развития национальных культур и интенсификации межнационального общения. Кроме того,- учитываются соотношения семасиологии членораздельности письменного языка и звукового языка» возникновение конститутивных графических элементов на первоначальном этапе становления письменного языка» знаковость языка и асимметрический дуализм языкового знака и т.д.

При этом привлекаются концепции таких учёных, как В. Хаас, А.Макинтош, В.Френсис, В.И.Балинская, А.Вийк и др. с широкими обобщениями (в современной английской системе письма) свойств монографем и комбинаций графем» репрезентирующих конкретные характеристики фонем.

4. "Темпоральна кількість як фонологічна ознака усного тексту" - Алла Й.Ватаут (Київ) (с. 36-40).

Излагаются принципы выявления акустических характеристик темпа протекания устного текста и предлагаются параметры его интерпретации (в славянских языках).

5. "К этимологии восточно-славянского «BRUDI» - Жанна Ж.Варбот (Москва) (с. 41-43).

Реконструкция проводится на базе группы лексем; ст.-рус. "бруди" ("волосы на лице растущие от виска по щеке"), ст. – укр. "бруду" (род. п.) ("растительность на лице, которую сбривают"), а также в польском, белорусском, русском языках и ряде их диалектов - с выходом в праславянскую историю.

6. "О парных существительных в словенском языке" – Aleksandra Derganc (Ljubljana) (с. 44-51).

Рассматривается специальный тип существительных, которые обозначают парные предметы (начиная от старославянских фактов типа "очи").

7. "Собирательные числительные с суффиксами - ОР ЕР в сербохорватском, сербском и хорватском языках" - Пётр А.Дмитриев, Андрей Н.Соболев (Санкт-Петербург) (с. 52-58).

Исходя из наличия в большинстве славянских языков собирательных числительных типа рус. "двое", "четверо", "десятеро" и образованных от них количественных существительных типа рус. "троица", рассматривается вопрос о нормировании этого явления в литературных языках сербов и хорватов с конца XIX в.

8. "Размышления о числовой координации в русском языке. I. Собаки бежали, задрал (каждая свой) хвост..." - Александр Д. Дуличенко (Тарту) (с. 59-71).

Рассматриваются способы интерпретации числовой координации в конкретно взятом тексте, и показываются принципы выявления его количественно-числовой структуризации.

9. "Время и число у древних славян" - Наталья В.Ивашина (Минск) (с. 72-78).

Характеристика времяисчисления проводится исходя из цикличности процессов природы, её ритмики.

10. "Quantität und Vagheit" – Helmut Jachnow (Bochum) (с. 79-89).

Рассуждения об арсенале в языках нумеративных (выражающих - числовые свойства) и количественных (выражающих нумеративно или нenumеративно размеры, частоту, количество) знаках.

11. "Метаморфозы числового ряда в поэзии Арс. Тарковского - Александр М.Калюта (Минск) (с. 90-99).

Математичность поэзии как средство передачи точности образов, рифм, ритма, "Числовая знаковость поэтических конструкций. Логичность поэзии подобно натуральному числовому ряду. Метафоричность.

12. "Проблематика числа в славянской мифологии и ЧИСЛОБОГ "Велесовой книги" - Юрий А.Карпенко (Одесса) (с. 100-109).

Устойчивость чисел ТРИ, ЧЕТЫРЕ, СЕМЬ, ДЕВЯТЬ, ТРИДЕВЯТЬ, ДВЕНАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТЬ в обычаях и ритуалах.

13. "Этюды о числе" - Владимир А.Карпов (Минск) (с.110-118).

Базируясь на системной симметро-асимметрии, автор рассматривает число в параметрах логико-математическом, этимологическом и системно-динамическом.

14. "О понятиях виртуальной и актуальной квантификации" - Александр К. Киклевич (Минск) (с. 119-126).

В ракурсе генерических и универсальных именных групп логической семантики предлагается версия разграничения генеричности и универсальности посредством ввода понятий виртуальной и актуальной квантификации.

15. "Число и коммуникативная типология грамматические значений" - Евгений В.Клобуков (Москва) (с. 127-136).

Показываются (на примере субстантивной категории числа) новые аспекты содержательной и функциональной общности морфологических категорий разных частей речи.

16. "О числительных в текстах Кирилла, Епископа Туровского" – Алла А. Кожина (Минск) (с. 137-146).

Анализ текста 111 в. проводится в ракурсе выяснения двух вопросов: 1) отличие его системы числовых номинации от "магического" (= "смыслового") представления древних о числе и от современного абстрактного понимания (для которого важна лишь "величина числа") и 2) что нового может дать рассмотрение корреляций числа в тексте с опорой на данные о его свойствах в системе языка.

17. "Принципы формирования понятийного поля квантитативности" - Моисей М. Копыленко, Мадина Л. Байбатырова (Алматы) (с. 147-151).

В ракурсе определённых лексических единиц – числительных, счётных существительных и т.д.- выводится "квантитатив" как семантико-категориальная единица (количественные числительные, существительные, наречия и фразеологизмы).

18. "Numeralis, number and individuation" – Greville C.Corbett (Guilford) (с. 152-160).

В плане взаимодействия чисел и грамматических числительных (на материале славянских и других языков).

19. "Категория количество в языковом представлении фоновых знаний" - Феликс А. Латвии (г. Орёл) (с. 162-168).

Анализ проводится на материале 550 английских традиционных детских стишков (nursery rhymes), данных в "Оксфордском словаре детских стишков" (1969).

20. "К этимологии теонима Симаргл" - Виктор В. Мартынов (Минск) (с. 169-172).

Анализ проводится по двум древнерусским памятникам XII в.: "Повесть временных лет" и "Слово некоего христолюбца" с привлечением древнеиндийской, иранской и армянской версии.

21. "Взятая в цифрах, вещь..." (Язык и философия числа в поэзии Иосифа Бродского) - Нина Б. Мечкова (Минск) (с. 173-189).

Рассматривается количественная семантика в ракурсе её лирических потенций, образостроением и авторской метафоризации, а также число интерпретируется как философско-поэтический компонент мировидения художника слова.

22. "Некоторые аспекты феномена квантификации и словосочетания типа "РУКИ - НОГИ" в современном русском языке" - Борис Ю. Норман, (Минск) (с. 190-201).

На материале славянских языков рассматривается количественная характеристика (= "квантификация") действительности в аспектах лексической категории счётности (количественные числительные) и грамматической категории числа (у существительных, местоимений, прилагательных, глаголов).

23. "Зназірання над- складанш! словам! э адлічэбнікавш кампанентам у беларускай мові" - *д1калай Р. арыгодзхч и^нск) (с. 202-206).

Выводится общая типология отнумеративных композит.

24. "Лексические пробелы в деривационном поле степени качества (сопоставительный аспект исследования)" - Иван С. Ровдо. (Минск) (с. 207-216).

О случаях неспособности формализации словообразовательного значения аффиксом с выходом на лексические средства (вербальные и др.).

25. "Грамматические категории как средство организации ритмической структуры текста" - Любовь И. Соболева (Минск) (с. 217-227).

Ритмы поэтического текста как средство пространственного образного освоения действительности в свете коммуникативной эффективности эстетически организованных текстов.

26. "Das Zahlwort im System der Wortarten (Zum Problem seiner Abgrenzung)" – Klaus Steinke (Erlangen-Nürnberg) (с.228-232)

Статус имени числительного определяется методом сопоставления на материале болгарского, немецкого, английского, французского и русского языков.

27. "К истокам зарождения числа" - Валентин Г. Таранед (Одесса) (с. 233-241).

Анализ древнейших числовых обозначений в индоевропейских языках.

28. "O macedonskich liczebnikach hipokorystycznych" – Zuzanna Topolinska (Warszawa-Skonje) (с. 242-246).

Деривационная производительность суффиксов в числовой системе обозначений македонского языка с привлечением душных ряда славянских диалектов, болгарского и турецкого языков.

29. "Заметка о числовом коде русских загадок" - академик Владимир Н. Топоров (Москва) (с. 247-258).

Исследуются загадки "космологического" круга, и "числовые" загадочные тексты в свете опыта, полученного в области мифологической семантики чисел и особенностей структуры русской загадки.

30. "О роли числа в поэтическом тексте" - Татьяна В. Цивьян (Москва) (с. 259-266).

Анализ проводится с особым вниманием к оппозициям "число" - "слово", "проза" - "поэзия", "объективное" - "субъективное". Используются стихотворения, названные по датам. Показывается место числа в поэтике К.Кавафиса (греческого поэта первой половины XX в.), Анны Ахматовой и Николая Гумилёва.

31. "У замкнёным сведе Лічэбнікау (нататк!)" - Гонадзь А.Цыхун (ГЯнск) (с. 207-^С).

Наблюдения над закономерностями формирования системы числительных в славянских языках.

32. "Что ограничивает количество предикативных единиц в составе сложного предложения" - Павел П. Шуба (Минск) (с. 281-288).

В соответствии с идеей неотделимости количества от структуры языка и от характера восприятия речевого сообщения, В частности, количество предикативных единиц ограничивается в составе сложного предложения современного русского языка 1) объёмом оперативной памяти, 2) стремлением к однозначности его восприятия и 3) отсутствием возможности дал структурного усложнения небинарных конструкций.

33. "Косвенные количественные оценки в тексте" – Мария В. Шульга (Москва) (с. 237-296).

Описываются способы интенционального представления количественной характеристики в публицистических текстах.

Завершает Сборник статей "Библиография основных книг А.Е.Супруна" (61 название).

Таким образом, предложенный краткий обзор книги "ЧИСЛО. ЯЗЫК. ТЕКСТ" убедительно свидетельствует о неисчерпаемости области числа в языках и культурах, у истоков которой стоял профессор Адам Евгеньевич СУПРУН - автор воистину непревзойденных фундаментальных исследований, ведущих в глубинные таинства человеческого сознания (См. также: 2-5).

ЛИТЕРАТУРА

1. Число. Язык. Текст. Сборник статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна. - Минск: Белорусский государственный университет, 1998. - 304 с.

2. БУШУЙ А.М. (Ред.): "Супрун А.Е. Лекции по лингвистике. –Минск: изд-во. БГУ, 1980 // Русский язык в национальной школе. -Москва, 1981, - № 4. -с. 89-90.

3. БУШУЙ А.М. Плодотворная лингвометодическая концепция (О новой книге А.Е.Супруна) // Русский язык и литература в киргизской школе. - Фрунзе, 1988, - № 4, - с. 40-42.

4. Библиографическая указатель по славянскому и общему языкознанию. Профессор Адам Евгеньевич Супрун. Ответственный редактор А.М.БУШУЙ.- Самарканд: Сам ГУ, 1984. - XV, 106 с.

5. БУШУЙ А.М. Проблематика теории речевой деятельности в интерпретации А.Е.Супруна // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. - Бишкек, 1999, - №5-6, - с. 143-155.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На любом этапе своего развития язык как общественное явление выступает и как конкретно-историческая социальная норма. Языковую норму характеризуют следующие особенности: выборность (или селективность), стойкость (или традиционность), обязательность (или правильность). Различаются нормы языка (свойственные всем функциональным стилям) и нормы речи (включающие функционально-стилистические и ситуативно – стилистические нормы).

Важная проблематика лингвистики – изучение статуса территориальной и социальной разновидностей языка. Если территориальная дифференциация языка охватывает все население определенной местности, то социальная – касается отдельных слоев населения. Проблема социальной дифференциации языка не ограничивается стратификационной вариативностью языка, а включает ещё один вид вариативности – ситуативно-стилистический. В связи с этим внутренней системе языка противопоставляется внешняя; различаются два аспекта внешней системы языка: языковое состояние (совокупность всех видов языковой вариативности) и языковая ситуация (взаимодействие и взаимодополнение разных типов речи в рамках единого социума). Другими словами, языковая ситуация – это существующая в конкретный отрезок времени совокупность всех форм существования, а также типов и способов взаимосвязи и взаимодействий этих форм в рамках одного языка и при контактах с другими языками.

Стили языка и стили речи изучает стилистический раздел языкознания с опорой на разные критерии: 1) информационный, учитывающий содержание сообщения и эффект воздействия на адресата; 2) ситуативный, включающий условия и ситуацию, в которых происходит коммуникативный акт; 3) социокультурный, учитывающий социальную принадлежность и культурный уровень адресата и др. В литературном языке прежде всего различаются устно-разговорный и книжно-письменный типы языка. Язык народности и язык нации в большей степени различаются между собой ролью литературного языка в жизни общества. Взаимосвязи языка и общества, формы существования языка зависят от их социальной

обусловленности, функций языка в обществе, отражения в языке социальных процессов.

Отношения языка и мышления изучаются в металингвистике – особом разделе языкознания. В литературе существуют и другие понятия: когнитивная, понятийная, контенсивная лингвистика или же это лингвистическая концептология. Предметом металингвистики является исследование языковых значений и их отношения к логическим и психологическим категориям, их универсальных и специфических в отдельных этнических языках особенностей, установление типов и видов языковых значений. При этом здесь особую важность имеют вопросы понимания языка как практического сознания, взаимосвязи языка и мышления в системе языковых значений, а также теория языковой деятельности и её критика.

Связь языкознания и семиотики, знаковой теории языка изучает лингвосемиотика, различающая три аспекта исследования знаков: синтаксический, семантический и прагматический. В семиотике выделяются также синтактика, сигматика, семантика и прагматика. Синтактике семиотики соответствует одновременно синтагматика и парадигматика. Лингвосемиотика анализирует типы знаков и специфику знаков языковой системы, а также своеобразие языка как особой знаковой системы.

Рассматриваются в общем языкознании и связи языковой системы (гомогенных и гетерогенных типов; закрытость и открытость систем) с языковой структурой. Языковая система – это иерархически организованная и определённым образом упорядоченная целостность взаимосвязанных внутренних систем и подсистем. Структура языка – это способ организации языковой системы, отношения и связи между элементами языка. Здесь же рассматривается структура системы: основные уровни (фонетический, семантический, синтаксический) и промежуточные, или межуровневые, образования (морфологический и фразеологический).

Вопросы статики и динамики в языке, функционирования и развития языка анализируются в связи с пониманием языка как исторической категории. Социальный и лингвистический характер языковых фактов, причин изменения и развития языка не является однородным. Причины языкового развития делятся на внеязыковые и языковые (или внешние и внутренние). К внеязыковым причинам относятся развитие человеческого общества, его материальной и духовной культуры, развитие производительных сил, науки, техники и т.д. К внешним языковым причинам относятся те, которые вследствие давления одной языковой системы на другую приводят к различным структурным и неструктурным сдвигам и изменениям в разных подсистемах другой языковой системы. Различаются два типа иноязычных влияний: 1) когда иноязычное влияние усиливает тенденцию, свойственную языку, который претерпевает влияние; 2) когда иноязычное влияние порождает в языке новые явления или тенденции. Что касается внутренних причин, то они прежде всего отражают стремление языковой системы к самоусовершенствованию.

Общим языкознанием рассматриваются также вопросы дифференциации и интеграции языка (процессы развития языка), основных законов (внутренних и внешних, общих и специфических) развития языка, синхронного и диахронического исследования языка.